

Глава 1 СПЕЦПРОЕКТ

1

Главный редактор журнала «Красивая жизнь» Оксана Геннадьевна, двадцати пяти лет от роду, иногда раздражает тем, что в ней не к чему придраться. Цвет помады в цвет ногтей, сумка одного тона с туфлями, безупречно сидящая на бёдрах юбка-карандаш и идеального размера декольте белой офисной блузки – что-то вроде бы видно, но не то чтобы очень. И даже женщины, разговаривая с Оксаной Геннадьевной, не могут отвести взгляда от этого декольте. Думается, на завистливые взгляды женщин эта безупречность и рассчитана, ведь в редакции их абсолютное большинство.

Оксана Геннадьевна – будущая жена Биг-Босса, и это всё объясняет. И её большой, просторный кабинет, странный своей роскошью для провинциального, хотя и глянцевого издания, и твёрдость, с которой она называет на «ты» сотрудниц редакции, годящихся ей в матери, и решительность в ведении редакционной и рекламной политики.

Об этом думает руководитель спецпроектов Елена Кузнецова, сидя на еженедельном собрании редакции в понедельник после обеда, разглядывая свой облупившийся маникюр и созерцая все эти лица, замершие в ожидании того,

когда Оксана Геннадьевна завершит телефонный разговор с «важным рекламодателем».

Директор отдела моды («Боже-боже, какая мода в нашем Мухосранске!» – думает Ленка) Вадик Соловьёв рисует что-то в своём блокноте. Вадик не гей, не манерный придурок, он талантливо рисует одежду и иногда шьёт её по своим эскизам для девиц вроде Оксаны, простигосподи, Геннадьевны. Другое дело, что он не журналист и рисовать у него получается в разы лучше, чем писать связные тексты. Поэтому он и директор отдела – за него пишут девочки-студентки, а он подбирает к текстам красивые фото из Интернета.

Директор отдела «Любовь и семья» Анечка сосредоточенно смотрит в панораму ночного Манхэттена на стене. Два развода за спиной Анечки, на руках младенец и мама-инвалид. В связи с такими перипетиями в личной жизни она увлекается психологией и эзотерикой.

Коммерческий директор Дима мрачен. Он и так-то невеселый человек, а на заседаниях мрачен всегда.

– На носу апрель! – наконец-то оторвавшись от телефона, веско произносит главный редактор. Все оживляются.

Спецпроекты по традиции обсуждаются в последнюю очередь, когда всем уже хочется курить или пить кофе и заседать уже не вмоготу.

– Весь апрель никому не верь! – сказал Дима. – Чем не тема?

– Дима, я тебя умоляю, – стонет Ленка.

– А что, – ухватывается за эту банальщину Оксана Геннадьевна, – читатели в любом случае будут ждать что-то первоапрельское в нашем номере. Надо что-то придумать!

Идея исправления жизни давно, как перекапти-поле, гуляла в Ленкиной голове. С юности она мечтала однажды открыть газету с объявлениями и увидеть какое-нибудь обещание типа «Изменю к лучшему вашу жизнь. Гарантия 100 %. Расчет по результатам». Но годы шли, волшебного объявления не было.

Тогда Лена решила действовать. Она без труда после школы поступила в университет и выучилась на психолога, но поняла, что наука к реальной жизни имеет весьма слабое отношение. И уже через полтора месяца поступила на журфак, который, впрочем, не окончила, поскольку поняла, что и он к реальности никакого отношения не имеет.

Но, в общем, как психолог, она могла имитировать участие в чьей-то судьбе, а как журналист – описать розыгрыш.

– Хм, – сказала Оксана Геннадьевна и пристально посмотрела на Кузнецову. – Ты думаешь, это будет забавно? Очень странный какой-то розыгрыш.

Лена в ответ пристально посмотрела на главного редактора. «Господи, – пришло ей в голову, – а Оксанка-то ведь никогда, никогда-никогда не думала о том, чтобы кто-то как по мановению волшебной палочки изменил её жизнь!!! Хочешь изменить жизнь – сходи к косметологу и купи новую мини-юбку». Одновременно с чувством презрения к красавице на Лену накатила холодная и удушающая зависть.

– Понимаете, Оксана Геннадьевна, на свете есть много людей, которые совершенно не хотят менять свою жизнь к лучшему и ждут, что кто-то придёт и сделает это за них, – сказала она с грустной улыбкой. – Почему бы им не предоставить возможность поверить в то, что так бывает?

– Ну ладно, они позвонят, – пыталась рассуждать главный редактор, – а дальше-то что?

– Будем действовать по обстоятельствам! – оптимистично заявила Ленка, которая и сама толком не понимала, что дальше. – Узнаем, что за проблема, как можно решить, если сможем – поможем, не сможем – скажем, мол, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Лена, если честно, звучит как бред, – как-то доверительно сказала главный редактор, наклоняясь над столом, тем самым распахнув декольте, и перешла на полушёпот: – Но я знаю, что ты опытный журналист и... человек, так что доверяю судьбу номера тебе. Надеюсь, ты в любом случае сделаешь из этого конфетку.

Идея была одобрена, но вдруг Ленке стало страшновато. Она отчётливо поняла, что вся затея не только звучит, как бред, но и есть полный бред, порождение её измученного обстоятельствами последнего времени сознания. Когда она дошла до своего заваленного бумагами и распечатанными макетами стола, уже перебоаялась, села к компьютеру и забила в адресную строку адрес самой большой газеты частных объявлений.

2

– Я надеюсь, ты номер не своего мобильного обозначила там? – было первое, о чём поинтересовалась Мила, когда услышала про объявление.

– Свой, – помертвевшим голосом ответила подруга. – Я об этом как-то даже не подумала.

– Ленуся, ты дурында! – воскликнула Милана и отхлебнула кофе. – Как можно так подставляться?! Кто его знает, какие безумцы откликнутся на твой призыв! Придётся телефон менять, а это хлопотно!

Они обедали в кофейне бизнес-центра, где работала Мила. Строго говоря, осваивала бизнес-ланч только Лена, а её подруга пила вторую чашку американо. Мила была слегка странноватой: почти не ела, жила на кофе и сигаретах, причём без цели похудеть – она от природы имела фигуру тростинки. Природа наградила Милку гладкой, розовой кожей, тонким носом и огромными чёрными глазами, которые привлекали внимание не только тем, что занимали половину острого лица, но и неуловимой раскосостью. Чёрные глаза, глядящие на тебя, но и как бы в сторону, завораживали любого, их выражение очень трудно было угадать, а прямой взгляд поймать и вовсе невозможно, и только благодаря такому маленькому дефекту Милка считалась женщиной-загадкой.

Милана постоянно меняла телефоны, длину и цвет волос и любила использовать какие-нибудь почти вышедшие из обихода словечки. Например, она никогда не говорила «сволочь» или «козёл». Если хотела ругнуться, то непременно говорила «этакий мерзавец!» или «каков нахал!». В её лексиконе это были очень сильные оскорбления, хотя остальными воспринимались с улыбкой.

Милана окончила психфак вместе с Леной и устроилась на работу в отдел корпоративных отношений крупного холдинга. Она стала настоящей акулой в управлении персоналом, разъезжая на конференции по всему миру.

Уже пять лет Милка была замужем за сорокалетним подданным Великобритании Майклом, называла его Мишей, и они преспокойно жили на разных континентах. Два раза в год Майкл прилетал к жене на Урал. На Новый год и на день рождения мужа Мила летала к нему в Йорк. Две недели в году они отдыхали где-то на нейтральной территории у одного из тёплых океанов. И менять ничего не собирались. Ленка ни разу не слышала от подружки, что ей плохо, или одиноко, или не хватает Миши, или некому гвоздь забить. Милка жила абсолютно гармоничной жизнью, в перерывах между встречами с мужем с головой погружаясь в работу, а во время встреч – выключая телефон и полностью растворяясь в счастливой, хоть и непонятной другим семейной жизни.

Если Кузнецова чему и завидовала в жизни подружки, так это её совершенно спокойной уверенности, что всё хорошо и так, как надо. Через семь часовых поясов Майкл чуть не круглосуточно писал жене в скайп милые глупости или размышления о жизни, а она почти незамедлительно ему отвечала. Она мало спала, но уставшей или несвежей выглядела редко. Милкина семья наглядно демонстрировала, что можно быть близкими людьми и на расстоянии.

В этот хмурый мартовский день подружка выкроила для разговора полчаса в обеденный перерыв.

– Ты вообще смелая девица, – усмехнулась она, – но мне нравится эта афера, потому что мне нравятся аферы вообще. А какой текст ты дала в объявлении?

– «Изменяю вашу жизнь. Недорого. Гарантии».

– Шедеврально! – хохотнула подружка и шумно отхлебнула кофе. – Напишу Мише, он наверняка это оценит! Конечно, Ленуся, это смелый эксперимент. Наверное, прежде чем пытаться изменить чужую жизнь, надо представлять, как можно изменить свою собственную. Я думаю, что если ты встретишься с теми людьми, которые тебе позвонят, ты сможешь им помочь. А они всенепременно помогут тебе. Так или иначе.

– Аминь! – сказала в ответ Лена, и Мила рассмеелась.

Иногда Елена себя остро ненавидела. За неустроенность жизни, за постоянную внутреннюю маяту. За вопросы, на которые не было ответов. За то, что так и не пошла ни в бассейн, ни на фитнес. За то, что не умеет покупать одежду на свою нестандартную фигуру с большой грудью. За то, что по утрам лень краситься, а по жизни лень заниматься своей внешностью в принципе. Бывали такие дни, когда в зеркало хотелось плюнуть. Дни ненависти случались обычно раз в месяц и, конечно, в чём-то были сопряжены с гормонами. Но было универсальное спасение от этого состояния – ходить по магазинам. Причём не по бутикам с одеждой, которую она без необходимости даже в руки не брала, а по гипермаркетам мебели. Или по магазинам «Всё для сада». Или по магазинам игрушек. Она мечтала.

Когда-нибудь у неё будет большой дом. И в гостиную она непременно купит вот такой огромный угловой диван с полочкой для газет. На эту полочку она будет ставить бокал белого вина, чтобы попивать, вытянув ноги и читая вечером книжку. Около дивана придёт и ляжет большой пёс, скорее всего золотистый ретривер... Вырастет сад возле дома. В нём она построит беседку. А вдоль дорожек поставит больших глиняных гномов с фонарями... Или не гномов... В заваленных играми и куклами магазинах она выбирала подарки будущим детям. Ленка понимала, что, если кто узнает, зачем она ходит в магазины, её сочтут за душевнобольную. Но ей было всё равно. Она называла это визуализацией своей мечты. Большой мечты под названием «Счастливая жизнь».

Она собиралась уйти от мужа два года. Два года с того самого момента, как проснулась утром, посмотрела на лежащего рядом – знакомого до мельчайших морщинок у глаз и при этом совсем чужого – мужчину и поняла, что надо уходить.

Муж Дима был хороший. Этим словом она всегда описывала его, не зная, как конкретизировать эту «хорошесть». Не пьёт, не бьёт, не гуляет. Любит. Работает. В общем-то с этой мотивацией она и выходила замуж. Мама сказала: «Иди, пока берут». И Ленка пошла. Любила ли она его? Конечно, она себя об этом спрашивала. И, конечно, врала себе. И в ночь перед свадьбой плакала, хотела всё отменить, но платье было куплено, ресторан оплачен, приехали родственники из Москвы. Отменять было нельзя. И Ленка

вышла замуж за хорошего Диму, взяла его фамилию и очень быстро к нему привыкла. Вечерами он играл в компьютерные игры или смотрел телевизор, Ленка стучила свои журналистские курсовые или статьи в газету «Городской вестник». Он в зале, она на кухне. Дома было тихо и мирно. По выходным они встречались с друзьями. Или ездили к родителям. Или ходили в кино. Сексом занимались часто, но одинаково. Перед сном Дима говорил: «Я люблю тебя», а Ленка отвечала: «И я». Так и жили. А потом, года через три, Ленке стало душно.

Во-первых, лучшим отдыхом Дима считал лежание на диване перед телевизором. Когда он провёл так две недели своего отпуска, Ленка впала в депрессию. Он смотрел передачи про путешествия, но сам мог выехать только до турбазы «Берёзка». Он смотрел передачи про научные открытия, все подряд футбольные матчи и поединки боксеров. И вечером пересказывал всё жене.

Во-вторых, Дима умел радоваться тому, что у него есть, поэтому ни к чему не стремился. Он не был глупым или безвольным, имел работу в крупной фирме на неплохой должности, которую Ленка в своих статьях описывала как «менеджер среднего звена». У Димы была большая, хоть и однокомнатная квартира в новом доме в центре города, которую купили ему родители на окончание института. В путешествиях он не находил смысла, потому что «всё это уже по телевизору видел». Разговоры о расширении квартиры застухали, как костёр, в который не подкидывают дров. Машина не нужна в связи с тем, что квартира в центре, всё рядом, родители через дорогу. Работа другая не нужна, потому что глупо хотеть работу лучше. И в тот момент, когда Ленке казалось, что у неё нет ничего, муж её жил спокойно, потому что у него всё было.

В-третьих, Дима не хотел детей. Он хотел «пожить для себя». Максимум, на что он соглашался, – завести кота. Но Ленка не хотела кота, она хотела дочку. Поэтому в их просторной однокомнатной квартире не было ни кота, ни дочки.

Кризис наступил тогда, когда Ленка поняла, что в её мечтах муж никак не фигурирует. Однажды ей приснился светлый сон, один из тех снов, которые после себя оставляют острое ощущение блаженства. В большом доме, в котором были открыты двери на веранду и гулял прохладный сквозняк, она стояла в прямоугольнике света, падающего в комнату через эти две-

ри, босиком на тёплом деревянном полу. И ждала мужчину, настольно любимого, что замирало всё внутри, и диафрагму подтягивало к рёбрам, и было трудно дышать. И это огромное чувство обожания к тому, кто вот-вот придёт, делало Ленку настольно счастливой, что она любила не только его, она любила весь мир. И сквозь бьющий в глаза солнечный свет она увидела ЕГО, идущего навстречу и протягивающего к ней руки. Она бросилась навстречу, ощутила эти руки на своей талии, громко выдохнула от переполнившей её радости – и проснулась. Рядом, лицом к ней, лежал Дима и негромко храпел, открыв рот. В предраассветной серости Ленка вглядывалась в его лицо. А ещё не ушедшее чувство счастья наполняло её изнутри, и грело, и пело. И пело оно: «Лена, надо уходиииииить!»

После этого пробуждения Ленка два года готовилась. Морально и материально. Втайне от мужа копила деньги на съёмную квартиру, брала подработки, вляпывалась в ненужные ей проекты, если обещали платить.

А потом в один момент ушла. Даже неожиданно для себя. Она пришла домой поздно, потому что задержалась на работе. Из прихожей увидела ноги в носках, торчащие из-под клетчатого пледа на диване. Услышала:

– Лена! Какой матч смотрю! Второй тайм, куча острых моментов, ни одного гола!

Прошла к шкафу, достала сумку, кинула в неё джинсы, свитер и пару трусов, прошла в ванную, бросила поверх одежды шампунь и зубную щётку, обулась и вышла из квартиры. И когда вышла из подъезда, поймала себя на мысли, что не ждёт, что Дима побежит за ней, потому что вообще не уверена, заметил ли он её уход. Так закончились почти шесть лет совместной жизни.

Глава 2 КЛИЕНТ ПЕРВЫЙ. ПАВЛИК

1

В кофейне было накурено, пахло кофе и свежей выпечкой. Стояла какая-то гнетущая для утра буднего дня тишина: колоритная блондинка читала деловую прессу, её спутник углубился в свой телефон, два парня, погружённые в смартфоны, между собой не общались. Было слышно, как официантки переговариваются у стойки.

За столиком перед Леной сидел подтянутый, но ссутулившийся брюнет в возрасте «где-то к сорока». Он был хорошо и стильно пострижен,

32

32

одет в приличный свитер с высоким горлом. Короткие, плотные пальцы: ногти красивой формы, в идеальном состоянии, колец нет. Часы дорогие. Виски уже почти седые, а лицо молодое. Глаза светлые, посажены глубоко и смотрят тревожно. И вообще выражение лица настороженное. Нервничает, теребит в руках салфетку с эмблемой кофейни и постоянно откашливается. Мужчину зовут Павел Иванович, можно просто Павел, можно просто Паша.

Паша, он же Павел, читает меню, теребит салфетку и даже не представляет, как нервничает и изнемогает от собственной глупой самонадеянности сидящая перед ним тридцатидвухлетняя шатенка. Шатенкой она стала буквально вчера. Идя на первую встречу по объявлению «Изменяю вашу жизнь», она постриглась – сделала короткую стильную стрижку, изменила мышинный цвет на «каштан» и купила дорогую чёрную водолазку. Спину она держала прямо, улыбалась неопределённо, а внутри тряслись и звенели нервные струны. Внешний безупречный образ никак не совпадал с внутренней, растерянной женщиной, повторяющей себе распевно: «Вот дуууура, вот дуууура». Своими собственными руками внутренняя женщина разрушила последние остатки жизненной гармонии, выстроив такой красивый и совершенно лживый фасад. Но – встреча была назначена, кофе заказан, взгляды встретились, и Елена, подавив глубокий вздох, начала:

– Павел, давайте построим нашу встречу так: вы мне рассказываете, что вас в вашей жизни не устраивает, что вы хотите изменить, почему хотите это сделать, а потом я озвучу свои условия, и если они вас устроят, мы вместе выработаем план действий. Согласны?

– Я согласен, – несколько раз кивнул Павел, – тревожит только, что мне будет трудно рассказать вам, незнакомому человеку, все подробности... Это очень личное, понимаете?

– Я понимаю, – кивнула Ленка и улыбнулась. – Но давайте начнём не с подробностей, а с главного.

Он говорил тихо, разглаживая на столике несчастную салфетку. Уже после первых фраз Елена поняла, что эксперимент зашёл слишком далеко, вернее, идея была с самого начала плохая. Человеку напротив невозможно сказать, что это розыгрыш для апрельского номера журнала. Этот человек сделал над собой усилие и позволил ей, Ленке, и готов дать ей карт-бланш по из-

менению его жизни. Свежепокрашенные каштановые волосы зашевелились в районе затылка, по спине пробежала горячая волна ужаса. Но, словно по щелчку, в ней вдруг включились и психолог, и журналист: разом стало спокойно и любопытно, и первые строчки интервью сами собой сложились в голове.

2

Павлик у мамы был единственным сыном. А у мамы с бабушкой – единственным мужчиной в доме. Вернее, в двух домах: мама с бабушкой жили в разных квартирах на одной лестничной клетке. Папа Павлика, по версии мамы, погиб до его рождения. По версии бабушки, озвученной перед смертью, – жил на соседней улице, но становиться папой маленького мальчика не хотел.

Мама и бабушка, конечно, очень любили Павлика. Конечно, баловали. Конечно, не обошлось без небольшого, но судьбоносного насилия: мальчик окончил музыкальную школу, хотя всё детство мечтал заниматься боксом. Или нырять в воду с вышки. Но бокс был опасен. В бассейне было холодно, пахло хлоркой и ангиной. Поэтому Павлик выучился игре на саксофоне. Потом он окончил школу с золотой медалью, потом – юрфак с красным дипломом. То, что Павлик пойдёт именно на юридический, ни у кого в доме не вызывало сомнений, ведь мама всю жизнь работала адвокатом, бабушка – судьёй, поэтому любовь к профессии должна была передаваться наследнику генетически. Начало карьеры Павлика пришлось на девяностые годы, и он быстро стал успешным и обеспеченным юристом.

«Это жизнь до женитьбы, если коротко», – сказал Павлик.

Будучи востребованным адвокатом, Павлик оставался хорошим сыном и продолжал жить с мамой. С девушками стабильных отношений не было, поэтому смысла съезжать из родной квартиры он не видел.

Потом в жизни адвоката появилась девушка Катя. Очень красивая, эффектная и просто... хорошая («Боже, какое знакомое слово!»). Главное достоинство её состояло в том, что она умела Павлика обожать. Она обожала его глазами, телом, делами. Она могла слушать его бесконечно, кивать, восторгаться. Привыкший взвешивать каждое слово юрист Павел с ней превращался в Павлика и мог болтать без умолку. В постели она была готова на всё, с ней он приблизился к пониманию слова «разврат».

Катя не имела высшего образования, она работала администратором в салоне красоты, и с точки зрения мамы молодого человека, это было не очень хорошо. Маме казалось, что Катя не умеет поддержать разговор. И не выглядит умной женщиной. Влюблённый Павлик считал, что ум в женщине не главное. Он в один момент снял квартиру, съехал от мамы, зажил самостоятельную жизнь. А после одного из неприятных разговоров с бабушкой и мамой взял Катю за руку и притащил её в ЗАГС. Женился юрист Павлик, как он позже понял, просто как пацан – нагло маме.

С Катей жилось хорошо. Потом жилось нормально. Потом вдруг осточертело её обожание. Её безмолвие и вечное согласие со всем, с любовью мелочью. И хорошесть её тоже осточертела. И эффектная красота поблекла и перестала быть важной. И вдруг захотелось с ней обсудить то да сё, но оказалось, что неинтересно и глупо это – обсуждать что-то с ней, женщиной, созданной обожать и не перечить. И когда она выучилась и получила-таки высшее юридическое образование, бесило всё: и то, что зачем-то получила его, хотя работать по специальности не собиралась, и то, что образование именно юридическое, хотя юридической жилки в ней нет.

Детей у Павлика с Катей не было, развелись они тихо и быстро. Состоявшийся и состоятельный юрист Павел не вернулся жить к маме, но ужинал у неё каждый день. Только в её доме ему было уютно.

Потом повстречалась Ира. Её Павлик полюбил не так пылко, как Катю, а разлюбил ещё быстрее, но в этот промежуток Ира успела родить ему двойню. Поэтому он прожил с ней десять лет, время от времени страшно скандала и уходя жить к маме. Иногда наступало какое-то просветление, хотелось начать жизнь заново, дети – две девочки – росли чудесные, и Павлик возвращался в лоно семьи и честно пытался как-то наладить отношения с женой. Они ходили с Ирой к психологу, но всегда неизбежно наступал разлад, потому что Ира считала, что во всём виновата свекровь. Психологи были разные, но говорили одно: надо разрывать связь с матерью, надо взрослеть, надо учиться принимать решения... Павлик один раз даже пошёл на эксперимент и полгода не общался с мамой. Но семья это не помогло.

– А Ирина была красивая? – спросила Лена.

– Почему была? Она и есть красивая, – ответил собеседник без тени ностальгии или тепла в голосе.

Уже пару лет Павел жил один, виделся с детьми по выходным и изводил себя мыслью, что живёт неправильно. Ему хотелось семейного тепла, чтобы дома ждали и любили. Но такой семьи не было. Павлик начинал постепенно проваливаться в депрессию. И тут – объявление в газете. Серьёзный человек, юрист, а позвонил – была не была.

Лена слушала с интересом и очень живо представляла себе маму Павлика – полную, почему-то еврейскую, женщину с аккуратной, гладкой причёской, поджатыми тонкими губами и пристальным взглядом. Представляла волококую, как сказала бы Милана, брюнетку Катю, живущую инстинктами и страстями и с мучениями сдающую сессии в университете. Иру представляла почему-то строгой, красивой женщиной «за тридцать», причём красота её была холодная и не грела. Рядом с этой снежной королевой представлялись девочки, похожие на Павлика и одетые в розовое, как куклы.

Картина была предельно ясна. Мама и сын. Мама не отпускает, сын не сопротивляется.

Сейчас журналист в Елене взял верх над психологом, и, забыв о том, как проклинала себя за самонадеянный эксперимент полтора часа назад, она уже была готова к новому.

– Мне сложно сделать какие-то выводы, опираясь только на ваши слова, Паша, – сказала она ему тихо, почти интимно наклонившись над столиком, и заметила, что мужчина посмотрел на её грудь, обтянутую водолазкой.

Лена обещала подумать.

Глава 3 КЛИЕНТ ВТОРОЙ. МАРИЯ

1

Мария несчастна. Это видно с первого взгляда. Серая вязаная шапка налезла на брови, хотя на улице тепло. Из-под шапки торчат нестройные кончики волос. Тонковатые губы не накрашены, маникюра на руке, нервно теребившей пуговицу на куртке, нет.

Мария казалась женщиной молодой, но потухшей внутри. Она очень сутулилась, этакая молодая старушка.

– Что, прям сразу начинать рассказывать? – спросила она, не глядя на Лену.

– Как вам удобнее, – как можно дружелюбнее отозвалась та.

– Сначала я хочу узнать, сколько будут стоить ваши услуги.

– Я же сказала по телефону, что оплата по факту... выполнения работ, – Лена чуть замешкалась.

– И всё-таки. Примерно. У вас же есть опыт. Сколько стоит вернуть мужа?

Мария произносила слова по одному на каждом выдохе. Веско и чётко.

– Недорого.

– Почему? – она впервые подняла на собеседницу светлые, почти бесцветные глаза.

– Ну потому, что не я же буду вам мужа возвращать, а вы сами.

– Как это не вы?!

Они встретились за столиком кафе большого торгового центра. Мария то и дело смотрела в сторону шумной детской комнаты с лабиринтом. Где-то в гуще орущих детей в колготках бегал и ребёнок этой женщины. И до момента, пока Кузнецова не сказала, что она сама будет возвращать своего мужа, Мария была даже как-то слегка безучастна к своей «спасительнице», хотя теребящая пуговицы рука её выдавала. А тут она внезапно оживилась, подалась вперёд, но оживление это было слегка агрессивным.

– Конечно, не я, – Лена тоже подалась вперёд, но понизила голос и прищурилась для убедительности. – Муж – ваш, и вернуть его сможете только вы. Я ему никто, как же я могу на него повлиять?

– Я вам расскажу, что ему сказать, вы ему скажете – и он всё поймёт. И вернётся.

– А вы сами?

– Он меня давно не слушает, – плечи женщины ещё сильнее опустились.

– Маша, давайте по порядку, – предложила Ленка. – И не выпить ли нам по кофе?

– Я не пью кофе, мне нельзя, я кормлю грудью, – ответила Маша.

– У вас маленький ребёнок? – Лена обрадовалась поводу начать разговор с другой точки и, возможно, вывести его в нужное русло. – Мальчик или девочка?

– Мальчик. Почти два года.

Лена не могла скрыть недоумения. Детей у неё не было, но о их кормлении она знала от многочисленных приятельниц.

– У сына аллергия на кофеин? – участливо спросила она.

– Нет. Не думаю. Я не проверяла. С тех пор, как он родился, я ни разу не пила кофе. Ни к чему это.

– Ладно, я поняла, а чай вы пьёте?

– Пью зелёный, без добавок, – автоматически ответила Мария.

– Отлично. Я пойду закажу.

Пока Лена стояла в очереди у бара, она внимательно рассматривала клиентку со стороны. И уже понимала сбежавшего мужа. Лет Маше около тридцати. Чёрная куртка вроде бы современного фасона, но, вися на сутулых плечах, наводила тоску и прибавляла не меньше десятка лет своей хозяйке. Вязаная шапка, не снимаемая даже в кафе, явно скрывала отсутствие какой бы то ни было укладки, а то и вовсе волосы, которые не удалось вовремя помыть. Лена со стыдом поняла, что, когда она пользуется этим приёмом, примитивная маскировка наверняка так же видна невооружённым взглядом.

«Клянусь, никогда больше!» – пообещала она себе.

Маша то и дело присматривалась к происходящему в детском лабиринте хаосу и несколько раз порывалась метнуться к нему, это говорило Ленке о том, что ребёнок, находящийся в эпицентре событий, явно нечасто в него попадает и мать боится: её чадо кто-то уронит, поколотит, обидит грубым словом. Получив чай, наблюдатель вернулся на исходную позицию – Лена снова упёрлась взглядом в колючие и неприветливые светлые глаза.

– Маша, у вас в детской комнате ещё один ребёнок?

– Да. Дочь. Ей восемь лет.

– И давно ушёл муж?

– Три недели назад.

– И почему он ушёл? У него есть другая женщина?

От этих вопросов и без того поникшая Маша сжалась и ещё ниже опустилась над столиком.

– Я не знаю. Думаю, что нет. Я бы заметила. Он живёт у своей мамы.

– Так почему он ушёл?

– Мы поссорились. Он сказал, что я его достала, что у него больше нет сил. Взял зубную щётку и ушёл.

– А почему у него нет сил? Он много работает?

– Обычно. Как все. Домой приходит... приходил в начале восьмого. Я не знаю, почему у него нет сил. Я думаю об этом три недели и не могу

понять. Ведь на самом деле это у меня нет сил. Я круглые сутки с детьми. Всё на мне – хозяйка, уборка, готовка, дети. Я три раза в день готовлю еду. Встаю в пять утра, готовлю завтрак, отвожу дочь в школу, потом забираю её, три раза в неделю вожу её в музыкальную школу, вечером делаю с ней уроки. Я мою полы каждый день! И это у него нет сил, вы представляете?!

Маша оживилась, на глазах превращаясь в женщину, которая во всём права. Она говорила и смотрела в упор на Лёну, и та понимала, что сейчас должна восхищённо ахнуть, но не ахалось.

– Маша, простите, а зачем вы моете полы каждый день?

– Как зачем? – сейчас недоумение проявилось на лице собеседницы. – Ведь в доме маленький ребёнок. В доме должна быть идеальная чистота.

– Хорошо, понятно. Вы, я вижу, идеальная хозяйка. Но из-за чего тогда вы поссорились с мужем?

– Он предложил поехать в санаторий на выходные. Вдвоём. Я отказалась – и он разозлился.

– А почему вы отказались?

– Я не могу бросить детей на выходные. Я ведь прежде всего мать.

Елена пристально посмотрела на эту «прежде всего мать». Да, немного не так она представляла себе тех женщин, из-за которых ей всегда невыносимо было читать интернетовские форумы о материнстве.

– Но муж, наверное, тоже подумал о детях, прежде чем предложить поехать в санаторий? Куда он предлагал их деть?

– Он предложил оставить их у своей мамы, – в голосе Маши зазвенело возмущение. – Но я не могу доверить детей, особенно младшего, све-крови. Я ни разу не оставляла его ни с кем с самого рождения!

– Почему?!

– У вас есть дети? – прищурилась собеседница.

– Нет. У меня нет детей, – Лёна постаралась ответить невозмутимо, но ощутила, что шея и щёки начинают предательски покрываться красными горячими пятнами.

– Тогда вы вряд ли сможете меня понять, – и хотя улыбка прежде всего матери была снисходительно-ироничной, Лёна отметила, что она всё-таки может улыбаться.

– А вы постарайтесь мне объяснить, – в тон ответила Ленка.

– Просто я никому не доверяю. Мои дети привыкли есть свежее. Одеваться только в чистое. Они часто болеют, поэтому в доме не должно быть лишних микробов. Только я сама могу обеспечить для них нужный порядок. Больше никто. По этой же причине мы редко ходим по гостям, редко бываем у наших бабушек. И оставить детей с бабушкой на выходные я не могу. Я себе просто не могу этого представить!

– Ну а мужу вы доверяете?

– В каком смысле?

– С ним вы можете оставить детей, чтобы пойти прогуляться или сходить к косметологу, например?

– Вы что, издеваетесь?

– Нет. Я спрашиваю.

– С мужем я не оставляю детей ни при каких обстоятельствах. Он их будет кормить пельменями и бутербродами. Он ничего не умеет по дому. Я даже не уверена, что он знает, где лежат тряпки для пыли.

– Чтобы выйти прогуляться, необязательно учить мужа готовить. Это же всего пара часов.

– Прогуляться я могу и с детьми, – отрезала Мария и обеспокоенно посмотрела в сторону детской комнаты.

– Но неужели вам никогда не хотелось отдохнуть от детей, Маша? – Лёне стало по-настоящему интересно.

– Что значит отдохнуть от детей?

Вопрос прозвучал как-то даже с угрозой.

– Ну вы же живой человек, Маша, вы же можете уставать. Маленькие дети – это тяжело.

– Я не имею права уставать, Елена. Я мать.

– Хорошо, – Лёна вздохнула. – Давайте вернёмся к мужу. Как у вас было с интимной жизнью с ним?

– Разве обязательно об этом говорить? При чём тут интимная жизнь? – спросила Маша быстро и нервно, и лёгкая агрессия снова выдала её. Она точно понимала, что это здесь «при чём».

– Обязательно, если мы хотим вернуть мужа. Мы хотим?

– Да, хотим. Но вы поймите, мне не очень удобно разговаривать об этом с малознакомым человеком.

– Я понимаю, но мы же как раз знакомимся. Итак, что там с интимной жизнью? Когда в последний раз?

Маша уставилась в пустую чашку из-под чая.

– Ещё до рождения сына. Вернее, до беременности.

Лена ожидала услышать что-то подобное, но всё равно не смогла скрыть своего обалдения.

– То есть два с лишним года кто-то один из вас уклоняется от выполнения супружеского долга? Кто?

– Ну почему уклоняюсь?! – вспыхнула молодая мать. – Беременность была проблемная, потом ребёнок маленький, ночами не спал, ну какой уж тут супружеский долг! О чём вы вообще говорите?! Сын до сих пор спит с нами. Вернее, между нами. Я же не могу выгнать ребёнка из кровати ради секса с мужем!

– Но это же ваша супружеская кровать! – воскликнула Ленка.

Парочка за соседним столом – совсем молоденькие парень и девушка – нехорошо посмотрела в сторону подпрыгивающих на своих стульях женщин.

– Вы говорите, как мой муж! Но я же мать прежде всего! – ещё громче воскликнула Мария.

Они помолчали. Лена подбирала слова. Потом спросила:

– Маша, ну а зачем вам муж? Зачем вам его возвращать?

Маша молча смотрела на неё, и Лена поняла, что впервые у её собеседницы нет заготовленного ответа.

– Вы с мужем не спите. Вы ему не доверяете. В хозяйстве он вам не помощник. Зачем? Он перестал вас содержать?

– При чём тут деньги?! – Маша слегка подскочила на стуле, и этот порыв наглядно показал, что деньги действительно ни при чём. – В нормальной семье должен быть муж! У детей должен быть отец!

– Он не общается с детьми?

– Общается, приходит почти каждый день.

– Значит, у них есть отец.

– Но это не то!!!

Они снова помолчали.

Затем Маша, выдавливая из себя по слову, сказала:

– Вы меня совсем не понимаете. Я обрадовалась, когда позвонила и узнала, что вы – женщина. Я думала, вы меня, как женщину, поймёте. Думала, что поможете. А вы совсем, совсем меня не понимаете. Это же так просто. У детей должен быть дом, семья, мама и папа. Все остальные варианты – это не то, это не по-настоящему.

– Маша, ну положи руку на сердце, вы же понимаете, почему он ушёл?

– Нет. Я не понимаю. У нас всё было хорошо. Дома всегда чисто, наготовлено, рубашки все

поглажены, полы помыты. Дети мои я сама занимаюсь, его не трогала. Мы почти не ругались. Всё было хорошо.

– Видимо, это не главное?

– А что главное? Думаете, он из-за секса ушёл?!

Лена накрыло волной чужой ненависти. И ещё она видела, что эта мысль всё-таки уже приходила в голову Марии, но, видимо, изгонялась.

– Если честно, я не знаю, из-за чего он ушёл, – вздохнув, ответила Лена и выпрямилась. – Но я возьмусь вам помогать только при одном условии.

– При каком?

– Только при условии, что вы любите мужа, Маша.

Маша замолчала. Она глядела в сторону детской комнаты и, нахмурившись, думала. Лена смотрела на неё со стороны, снова и снова пыталась представить, какая Маша, когда она без шапки, дома, в халате или спортивном костюме. Какая она, когда смеётся.

– Елена, – Маша смотрела напряжённо. – Я люблю своего мужа. Честно. Просто я так давно не думала об этом... Но я не уверена, что это главное.

– А я уверена! – Лена рассмеялась с облегчением.

– Значит, вы мне поможете?

– Я постараюсь. Но мне надо кое-что сначала обдумать.

И пока они договаривались, когда и как звонятся, от лабиринта в детской комнате отделилась худенькая, какая-то полупрозрачная девочка, с огромными серыми глазами, двумя жиденькими косичками, растрёпанная, но очень радостная. Она подбежала к столу и начала что-то восторженно шептать матери на ухо, обнимая её за шею и стесняясь незнакомки. Вглядываясь в черты лица девочки, Лена вдруг увидела перед собой маленькую Машу и то, как она, Маша взрослая, может смеяться. На душе потеплело.

2

Ленка у мамы росла одна. Из десяти её двоюродных братьев и сестёр некоторые заменили родных. Сестра Ольга была Ленкиной ровесницей.

На последнем курсе университета Ольга вышла замуж за одноклассника Олега, и они родили троих детей, любимых Ленкиных племянников. Двоих сыновей и девочку, которую Ольга

назвала Леной, «понятно, в честь кого». Быстро и легко Ольга с Олегом выстроили большой дом в пригородном посёлке, разбили огромный газон, поставили качели и завели большую лохматую собаку. И вот сейчас Ленка тряслась в пригородном автобусе – она ехала в гости.

Когда кто-то в редакции начинал рассуждать про «идеальную женщину» или «идеальную мать», в Ленкиной голове тут же всплывало вполне конкретное лицо – лицо сестры. Когда принимались рассуждать о зыбкости понятия «идеальная семья», рядом с лицом Ольги появлялось широкое и спокойное лицо её мужа, как шутили они сами, тёзки – Олега. Именно эта пара была для Ленки с самого дня свадьбы идеалом и образцом, и в минуты самого ужасного душевного раздрая она приезжала в этот дом, чтобы, как она сама это назвала, погреться душой о чужое счастье. Да и просто посмотреть, что так бывает. Бывает, чёрт возьми!

Лена ни разу не видела, чтобы Оля жаловалась или хотя бы просто была не в духе. Она, мать троих детей, выглядела всегда лучше и моложе неё, свободной и ничем в общем-то, кроме раздумий о смысле жизни, не обременённой. В своем посёлке Ольга ухитрялась заниматься восточными танцами и как-то нашептала Ленке, что на это занятие её подбил Олег, которому очень уж нравятся вот такие заигрывающие танцы с раскачиванием бёдер. Восточного в художавой, белокожей и рыжеволосой Ольге было мало, а точнее – ничего. Разве что бёдра – они были на месте. Муж от её домашних выступлений приходил в экстаз. Ольга успевала работать в городе, раз в неделю ходить на маникюр, а раз в месяц – к косметологу. Дети ходили в школу и садик, росли без мамок и нянек, разве что пару раз в месяц из города приезжали повидаться бабушки.

Олег работал много, часто ездил в командировки, приходил поздно, но и его Ленка ни разу не видела мрачным или раздражённым. Уставшим – да, бывало. В эти моменты он лежал на диване, а по нему ползали и прыгали, как мартышки, дети.

Самое главное, от чего Ленка тихо млела, сидя за столом в большой, но уютной кухне Ольги и Олега, – от их взаимного притяжения. Со дня свадьбы прошло почти десять лет, а она готова была поклясться, что они смотрят друг на друга так же, как за свадебным столом. Сидя рядом на диване, они непременно держались за руки. Если Ольга проходила мимо мужа, тот не

мог удержаться, чтобы не шлёпнуть её легонько по мягкому месту или не ущипнуть за бок. Ольга смеялась шуткам мужа до слёз и всегда искренне. Никогда не перебивала его и не давала перебивать детям. И всё в этих отношениях было настолько естественно и легко, что, казалось, нет у этих людей никаких детей, никаких проблем и трудностей, будто они недавно встретились, влюблены, и остальное неважно.

На этот раз Ленка ехала к Ольге за консультацией. Трясаясь в автобусе, она и так и сяк складывала слова первого вопроса, который ей надо было задать. Вопрос был про то, как родить троих детей и, став матерью, не перестать быть женщиной. Она сравнивала свою сестру и свою новую клиентку, пытаясь найти в них общее, но оно, кроме наличия детей, никак не находилось. А Ленке надо было найти и, так сказать, подтянуть одну до другой.

Сестра готовила обед на своей светлой кухне, негромко играла нежная инструментальная музыка. Ольга пританцовывала и раскачивала бёдрами. В очередной раз Ленка полюбовалась женственной фигурой сестры с тонкой талией и широкими бедрами, домашний трикотажный костюм сидел на этой фигуре как парадная одежда.

Ленка коротенько наврала, что пишет материал про многодетных женщин, включила для виду диктофон, но с чего начать – так и не придумала. Выдохнула и начала с того, что на самом деле её интересовало:

– Оля, скажи, ты устаёшь от своих детей?

– Конечно! – ни на секунду не задумываясь и не вкладывая в свои слова и доли трагичности, ответила та и полезла в шкаф за солью.

– Ты так легко об этом говоришь... – Ленка удивилась и даже как-то немного обиделась за племянников.

– А что в этом такого? Мне кажется, это очень нормально – уставать от суеты и постоянных забот, заботы о собственных детях – это всё равно заботы. Знаешь... – Ольга повернулась к сестре и хохотнула. – Больше всего я уставала, когда у нас появился Мишка. Временами мне казалось, что я вот прямо сейчас лягу и умру от недосыпа и усталости. Мне сейчас вспоминается, что я всё время ныла. В зеркало не смотрелась, потому что за собой не следила, помыть голову было за счастье. С Олегом ругались, наверное, каждый день...

– Вы ругались с Олегом?! – поразилась Ленка.

– Конечно. Мы и сейчас ругаемся, мне кажется, ругаются в любой нормальной семье.

Ольга была спокойна и весела. А Ленка – в сильном удивлении.

– Продолжай!

– Ну и вот. О чём я? Ах, да! Ругались с Олегом. Я ныла. Мне было тяжело. Я видела, что он старается терпеть, как-то оправдывает меня в своих глазах, но мне этого было мало... А чего мне надо было – я не понимала. Да и сейчас не понимаю. Наверное, чтобы он меня жалел постоянно. Не знаю. Пеленать и кормить ребёнка я бы ему всё равно не доверила. Гулять он и так с ним гулял, когда мог... Ну и вот. И однажды – так хорошо помню этот день – у меня с утра было хорошее настроение, весна, солнышко в окно светило. И я подошла к зеркалу, посмотрела на своё серо-зелёное лицо. И знаешь что поняла? Что меня вот это нытьё затягивает. Что я становлюсь не я какая-то. Что я – другая, жизнерадостная, весёлая, мужа люблю безумно. И так чётко увидела, что со стороны я выгляжу совершенно потерянной, неухоженной, мрачной тёткой. И вот это оправдание: у меня же маленький ребёнок – оно такое... условное, что ли. Леня это всё. И я, Лен, так явно это поняла, как озарение. И сразу всё в голове у меня сложилось: как постричься, какую зарядку дома делать и когда, в какие дни маму вызывать, чтоб с Мишкой посидела, а мы в кино ходили... И недосып, ну а что недосып, он проходит, да и спать надо раньше ложиться, а не в телевизор смотреть. И такой подъём был внутри! Надо же, так хорошо помню...

Ольга засмеялась, потом отвлеклась, чтобы перемешать в сковородке что-то скворчащее.

– И что? И вот прям сразу взяла и изменилась?

– Конечно, не сразу, – отозвалась Ольга буднично, не поворачивая головы. – Но я в себе это состояние душевного подъёма пыталась сохранить, как барон Мюнхгаузен, ежедневно вытягивала себя за волосы из болота. Которое сама и создала, если разобраться. Постриглась тогда коротко, помнишь? Впервые в жизни, помнишь?

Ленка помнила, как ахнула, когда увидела сестру впервые без длинных волос, а с коротким и так идущим ей каре.

– У подружки, кажется, взяла видеокассету с упражнениями Синди Кроуфорд. Мишка сидит в кровати, а я на коврике перед кроватью пыхчу, потом обливаюсь, ногами машу. Опять же, ребёнка развлекаю. Мишке нравилось наблюдать.

Ольга снова засмеялась.

– Самое главное, Лен, было упорядочить свою жизнь и усилием воли прекратить ныть, даже когда сильно хотелось. Зато знаешь как Олег оценил? Он даже как-то вдохновился, что ли, мне показалось, что и меня как-то немного заново полюбил. Многие женщины думают, что мужики ничего не понимают и не замечают. Но на самом деле, я давно это поняла, они гораздо тоньше всё чувствуют и видят, ну, может, не все, но многие. Можно про любовь не говорить, а просто беречь мужа и не ныть без повода.

– А по поводу?

– По поводу можно, но один раз. Один раз – один повод.

– Это как?

– Ну предположим, ребёнок всю ночь не спал, ты не выспалась и у тебя плохое настроение. И вот ты по дому ходишь и нудишь. Муж всё понимает, тебя жалеет. Потом ребёнок засыпает, и муж говорит тебе: «Ложись тоже, поспи». Но тебе же надо тут постирать, тут приготовить, тут ещё что-то. И ты спать не ложишься, а устаёшь ещё больше и ходишь мрачная до вечера. И думаешь, муж будет тебя жалеть в этом случае? Нет, он уже злится.

Для Ленкиной жизни пример был далёк и непонятен, и Ольга увидела это на её лице. Захихикала.

– Ладно, придёт время – поймёшь!

– Когда оно придёт, это время? – вздохнула Ленка и подумала про Романа.

3

Роман не был красивым мужчиной. Смуглый брюнет невысокого роста, коренастый и в свои «под сорок» уже начинавший лысеть. Ленка полюбила его за взгляд. Пристальный взгляд в упор, который проникал внутрь и сразу цеплял, как на крючок. И моментально казалось, что человек – как на ладони, открыт тебе и совершенно искренен. Невозможно было разговаривать с ним и не дрожать от прямого и горячего взгляда его зелёно-карих глаз.

Они познакомились у кофе-машины в холле их офисного здания. Роман о чём-то спросил Ленку, она не помнила о чём, потому что его неприкрыто глядящие прямо в душу глаза просто парализовали её. Она ни разу не видела, чтобы едва знакомый мужчина ТАК смотрел. И даже когда он улыбался, взгляд его оставался прямым и пронизывающим.

Поначалу Ленка считала его просто симпатичным, но несколько недель бегала за кофе в три раза чаще, чем обычно, чтобы снова обжечься о его удивительные глаза. Потом он попросил её телефон якобы для коллеги, которому понадобились контакты в редакции, но через пару дней позвонил сам.

– Елена, – начал он тихо, – не хотите провести сегодняшний вечер в очень уютном месте?

– С вами?

– Со мной.

– Очень хочу, – выдохнула Ленка в трубку, потому что и тон, и само предложение показались недвусмысленными.

Уютное место оказалось загородным кафе над рекой. Роман ждал её на парковке, стоял и смотрел, как она выходит из такси. Лена как могла элегантно вылезла из низкой машины и пошла ему навстречу. Начало лета, предзакатное розовое небо, свежий ветер от реки, запах новенькой зелени и фигура этого мужчины на краю асфальтового прямоугольника моментально опьянили её. Он стоял, широко расставив ноги, спрятав руки в карманы дорогих офисных брюк, без привычного галстука, верхняя пуговица белой рубашки расстегнута. Чуть наклонив голову, Роман в упор смотрел на неё. Взгляд был красноречив, как никогда раньше. У Ленки горячей волной от затылка к пояснице пробежали мурашки.

– Привет, – сказала она, подойдя к нему вплотную и неожиданно для себя перейдя на «ты».

– Здравствуй. Я... ждал... тебя, – сказал Роман.

От того, как были сказаны эти слова, волна мурашек кубарем скатилась по шее ещё раз.

– Давно ждешь?

– Не знаю, – Роман помолчал и, по-прежнему неотрывно глядя в глаза, серьёзно добавил: – Может быть, всю жизнь.

Несколько секунд они молча взирали друг на друга. И тут Ленка, в висках которой давно невыносимо стучало и ноги подгибались от волнения, не выдержала и воскликнула:

– Господи, да поцелуй ты меня уже!!!

Роман молча шагнул к ней и, запустив одну руку в волосы на затылке, а другой притянув к себе за талию, поцеловал.

Ей понравилось в нём всё. Широкие плечи, чуть кривые ноги, большие руки и хриплый голос. Его смех и манера начинать фразу с полушёпота. Его парфюм. То, как он целует в шею.

Как гладит волосы. Как делает всё остальное – медленно и точно, спокойно и уверенно, словно читает мысли или умеет угадывать желания. Именно с Романом она вспоминала, что такое страсть, настоящая, животная, когда трясущимися руками развязываешь его галстук в лифте, а едва ступив за порог квартиры, лихорадочно расстёгиваешь пуговицы на своей рубашке и одновременно отвечаешь на его жаркий, пожирающий поцелуй.

Через неделю после первой совместной ночи Роман сказал ей за завтраком, глядя своим притягательным взглядом: «Наверно, я люблю тебя, малыш». И от этой фразы внутри у Ленки всё оборвалось и ухнуло куда-то вниз, и там, внизу, запальсировало так, что отдавало в виски. В то утро она была абсолютно счастлива. И следующие два месяца тоже. Рома заговорил про свадьбу. Предлагал подумать о том, куда рвануть в свадебное путешествие. Спрашивал, как назвать будущих детей. И впервые в жизни Ленка начала мечтать вслух. Они лежали голыми на огромной кровати в его маленькой спальне и разговаривали о будущем, потом любили друг друга остервенело, потом спали и опять разговаривали.

Когда Ленка отмечала свой день рождения, Роман сделал то, чего не делал ни один мужчина в её жизни, – подарил ей путёвку в Прагу. В город её мечты. В город, о котором она знала очень много, но никогда в нём не была. Сам он поехать не мог – дела, работа, но это лишь на секунду огорчило Ленку. Это же Прага!!! И она поехала.

Стоял золотой, тихий сентябрь, она бродила по старым улочкам древнего города и упивалась их запахами и звуками. Толпы туристов не мешали ей. Рома слал длинные, переполненные нежностью эсэмэс, писал, что не может работать без неё, дышать без неё. Эти десять дней стали днями невыносимого счастья.

...В аэропорту Роман не встретил. На звонки не отвечал. Через два дня после Ленкиного возвращения и полного непонимания, что происходит, он подкараулил её всё у того же кофе-автомата, в холле, и без улыбки сказал:

– Здравствуй, Лена! Как долетела?

Ленка молча смотрела на него. Её затрясло мелкой дрожью и застучали зубы. Трудно было стоять из-за сотрясающих тело ударов сердца. Она соскучилась до безумия. Она представляла, как он встретит её у трапа самолёта, как они сцепятся друг в друга губами и станут одним, жар-

ким и задышающимся целым. И вот это «здоровствуй, Лена» ударило по лицу.

– Хорошо долетела, Рома, – ответила она, стараясь не лягнуть зубами.

– Я рад.

И стал наливать себе кофе. Ленка тогда подумала, что прямо здесь сойдёт с ума. Или грохнется в обморок. Но нет, мозг не смилостивился и не отключил от реальности.

– А что происходит, Рома? – спросила она, пытаясь поймать его взгляд, но он смотрел в пластиковый стакан с кофе.

– Всё нормально.

– Я звонила тебе. Я думала, мы встретимся.

– Да, я увидел поздно, телефон был на беззвучном режиме.

«У него раздвоение личности! – мелькнула спасительная мысль. – Он забыл, что любит меня».

– Ты не любишь меня больше? – спросила она и сама неприятно поразилась, насколько жалко прозвучал этот вопрос.

– Давай не здесь и не сейчас, – ответил Рома, оглянувшись по сторонам, и впервые посмотрел на неё прямым взглядом. И тогда Ленка с ужасом, от которого стало холодно затылку, поняла, что это не душа, которая смотрит в душу. Что его взгляд – это ПРОСТО ВЗГЛЯД. И ничего больше.

Она поняла, что почти ничего не знает об этом человеке. Что когда они «разговаривали», на самом деле говорила лишь она. Он только задавал вектор её монологу и слушал. Говорил редко и мало – о себе.

Ленка стояла со стаканчиком кофе в руках и в оцепенении смотрела на любимого и совершенно незнакомого мужчину. Ей показалось, что она даже моргать перестала, и глаза заболели от напряжения.

– Я просто не понимаю, что происходит, Рома! Я даже не знаю, что у тебя спросить. Я просто не понимаю.

– Всё нормально будет, Лен. Просто у меня небольшие проблемы. И нет настроения. Но всё будет нормально.

Будничный тон, которым он говорил, причинил Ленке такую боль, что она заморгала часто-часто, как от удара по щеке. Никогда он не говорил с ней так. Как будто... как будто с коллегой, которой незачем знать лишнее. А ведь она готова кинуться на решение любых его проблем. Она готова для него на всё. Но надо ли это ему?

– Рома, может, я могу тебе помочь? – снова будто проблеяла она и вмиг стала сама себе противна.

– Нет. Не можешь. Не заморачивайся. Просто я сложный человек, Лен, и проблем у меня много. Вряд ли тебе это нужно.

И пока Ленка соображала, что ответить, её собеседник сказал: «Созвонимся», развернулся и зашёл в открывшийся лифт, который бесшумно закрылся. Роман уехал. Смутно сознавая, что она в офисе и вокруг люди, Ленка заревела. Вышла на улицу, села на лавку, уставясь в кофейный стаканчик, и плакала. Ей вспоминался брошенный муж – не бумеранг ли то, что происходит сейчас?

Через неделю Роман позвонил и пригласил поужинать. Голос его был ласков, а взгляд при встрече – так же обезоруживающе открыт. И всё было почти, как раньше, но всё-таки не так. Расслабиться Ленка не могла, перемена казалась ей подвохом и загадкой, разгадки которой она ждала со страхом. Первый ужин после недельного игнорирования она воспринимала как ребус, который надо разгадать.

Роман спрашивал про Прагу. Спрашивал очень заинтересованно и в подробностях. Слушал внимательно, уточнял и восторгался. Ленка изо всех сил старалась рассказывать так, как рассказывала бы ему, если бы этот ужин состоялся в день её возвращения. В итоге её немного отпустило, она повеселела, но каждый раз, когда хотела пошутить, язвила. На каждую её злую остроту Рома чуть с укоризной смотрел, но молчал.

Затем он отвез её к себе и снова любил, всю ночь обнимал, целовал в шею. Утром сказал, что любит. И слово «малыш» произнёс. Но Ленка чувствовала, что это уже не то. Она ему больше не доверяла. Говорить теперь о свадьбе было противоестественно. Да Рома ни разу и не заикнулся про неё, про свадьбу. Дверь в светлое будущее закрылась. Ленка надеялась, что на время. Что какие-то тайные проблемы у Романа закончатся – и всё вернётся.

Но ничего не вернулось, хотя, казалось бы, ничего и не ушло. Только встречи стали реже. Она сама звала Рому куда-то сходить или встретиться. Изредка он соглашался на «встретиться», от походов по кино и кафе отказывался под предлогом отсутствия настроения или времени.

Во время таких встреч они сначала напивались на его уютной кухне с видом на город,

потом валялись на двуспальной кровати и смотрели какое-нибудь кино, потом занимались любовью. Бывало, что после фильма Рома щёлкал пультом, выключая огромный прямоугольник телевизора, целовал Ленку долгим поцелуем, который означал: «Секса не будет. Спокойной ночи» – и, отвернувшись, засыпал. В такие ночи она не спала совсем, горько и беззвучно плакала, стараясь не шмыгать носом, уходила на кухню смотреть в ночное окно, допивала недопитый martini и отчаянно страдала, в очередной раз не понимая, что происходит.

4

Вечер, когда Ленка примчалась к нему после проведённого у сестры прекрасного дня, оказался таким же пустым и горьким. Роман заснул уже на просмотре фильма и не проснулся к финальным титрам. Ленка посмотрела на часы.

– Детское время! – не удержалась она от восклицания вслух.

Бездушные цифры показывали 22:02.

Ей вдруг чуть не физически захотелось сохранить тепло и душевность прошедшего дня, пусть и закончившегося так по-дурацки. Захотелось поделиться теплом с той, которой, вероятно, оно очень нужно. В ответ на эту мысль её мужчина смешно и громко всхрипнул.

Она вышла в прихожую, нарочно громко порылась в своей сумке и достала «конспиративный» телефон. Пошла на кухню и набрала номер Маши, раздумывая, рискует ли она разбудить её детей или нет. Гудки шли долго, громко и неприветливо.

– Здравствуйте, Елена, – сказал в трубке голос.

– Здравствуйте, Маша, – как можно более радостно поздоровалась Лена. – Я не слишком поздно?

– Мы как раз укладываемся спать.

– Маша, я думаю, нам надо встретиться, – затараторила Ленка полушёпотом, но вдохновенно. – Мне кажется, я знаю, как мы вернём мужа. Как вы вернёте мужа, Маша. У меня к вам большой разговор, вам придётся чуть больше думать о себе, но, наверное, это будет вам на пользу... Сегодня я встречалась с очень мудрой и очень счастливой женщиной, мне кажется, её советы могут вам помочь... Когда мы сможем встретиться?

– Елена, – Маша помолчала, – нам не надо встречаться. Муж уже вернулся.

– Да?! – не нашлась что ответить Лена. Потом опомнилась: – Это же здорово, поздравляю! А как вам это удалось? Или он сам?..

– Я сказала ему, что, если он не вернётся, я запрещаю ему видеться с детьми. И подаю в суд на лишение родительских прав. И он вернулся.

Лена уловила в тоне Марии мстительные нотки. Мол, получи, горе-психолог, я получше тебя знаю, как со своим мужиком управляться.

Лена сказала, удивившись металлу в собственном голосе:

– Надеюсь, Маша, вы понимаете, что делаете.

– Понимаю.

– Удачи вам.

– И вам.

Только после того как телефон замолк, Лена крикнула в него то, что на самом деле хотела сказать:

– Дура!!!

Но никто её не услышал. Ни далёкая и упрямая в стремлении к железобетонному семейному счастью Маша. Ни спящий и некрасиво храпящий Роман. Ленке в очередной раз за этот долгий день захотелось зареветь. Разрыдаться от души. Но руки тряслись от злости и бессилия, и она не смогла выдавить из себя ни слезинки. Ей захотелось уехать. Вызвать такси, прыгнуть в него, исчезнуть. Чтобы утром Рома удивился и, чем чёрт не шутит, расстроился. Но надежда на утреннее продолжение прерванного на самом интересном месте вечернего сценария оставила Ленку в этой квартире, уложила рядом со спящим мужчиной на широкую кровать и даже дала уснуть.

Глава 4 КЛИЕНТ ТРЕТИЙ. ТАТЬЯНА

1

Встреча с Татьяной была назначена в парке. Это место выбрала сама Татьяна, женщина, судя по тону разговора, волевая. Март баловал теплом, и Лена охотно согласилась. Они прогуливались по тропинкам старого парка.

– Вы знаете, особо рассказывать нечего, – решительно и как-то мстительно начала Татьяна, – я просто ненавижу свою жизнь. Ненавижу свою работу. Своих друзей. Свои выходные. Себя, короче, ненавижу.

Лена остановилась и со страхом посмотрела на эту красивую, длинноволосую женщину.

На секунду она увидела в ней себя и слегка отшатнулась от этого своего отражения. По выражению лица Татьяны, по сжатым, аккурратно накрашенным губам она поняла, что эта ненависть застарелая, как болезнь. Ненависть, принятая своей обладательницей, с которой она научились жить и которую научилась не замечать, но которая, как старый шрам, ноет перед грозой.

– Почему? – через значительную паузу спросила Лена.

Тут замолчала Татьяна. Какое-то время они шли молча, потом Татьяна заговорила:

– У меня вроде бы всё хорошо. Нормально. У меня есть работа, хорошая работа, я, чтоб на это место попасть, по головам пары знакомых прошла, многие о такой мечтают... Статус, зарплата, офис как на картинке. И я мозгами это понимаю, но каждое утро как будто камни с собой на работу несу. Ненавижу её. Коллег своих видеть не могу. Подчинённых презираю. Единственный нормальный человек – мой босс, ради него, наверное, и работаю ещё. Хотя нет... Если честно, я понимаю, что мне важно всё это – статус, зарплата, машина служебная. И за это я себя тоже ненавижу.

– А что с семьёй? Как дома дела? – пыталась Лена увести разговор от коробившего её слова «ненавижу» и от агрессии, которую излучала эта симпатичная женщина.

– О, с семьёй у меня и вовсе шоколад, – усмехнулась Татьяна и поправила серёжку, – из семьи у меня кот Матвей. У меня перед ним чувство вины, что я ему мало времени уделяю, что дома редко бываю... Перед котом чувство вины! Я, наверное, похожа на сумасшедшую? – Она весело рассмеялась.

– Я понимаю, – продолжала Татьяна, – что мне нужны дети. Ребёнок. Но себе одной рожать не хочу. Я хочу, чтобы семья, чтобы отец воспитывал, чтобы все вместе в отпуск, на море. Чтобы по воскресеньям втроём в бассейн, а потом в пиццерию... Чтобы фотки семейные по всему дому стояли... Одинокие мамы наводят на меня тоску и ужас. И я понимаю, что я ещё более одинокая, чем они, но тем не менее... А мне уже тридцать шесть. И первому встречному я рожать не буду. А пока я найду того, кто мне нужен, мне будет уже пятьдесят! – И она снова рассмеялась и откинула назад длинные волосы, переливающиеся медовыми оттенками на солнце.

Они какое-то время шли молча. Ленка никак не могла собрать обрывки мыслей в одну.

Было слишком много солнца – в бликах луж на асфальте, в окнах проезжающих за деревьями машин, волосы её спутницы тоже как будто аккумулялировали солнце и рассеивали его ровным светом вокруг. Приходилось жмуриться, набегали слёзы, и это было и приятно, и не давало сосредоточиться. Спрашивать у Татьяны ничего не хотелось. Лена чувствовала себя так, будто столкнулась со смертельно больным человеком и боится поранить его ненужным словом.

– Сдохну в одиночестве, – сказала вдруг Татьяна, как бы подводя итог какому-то внутреннему монологу.

– Ну подождите сдыхать, – отозвалась Ленка. – Уверена, что что-то можно предпринять. Как вы проводите свободное время?

– Лежу на диване в обнимку с котом, смотрю сериалы, пью вино и никого не хочу видеть. Не подумайте, что я алкоголичка, я пью только хорошее и дорогое вино. Его мне привозят из Испании несколько раз в год. Кстати, у меня есть любовник. Я забыла сказать.

Дело приобретало интересный оборот, появилась «зацепка».

– Расскажите про него.

– Он испанец, партнёр нашей компании, приезжает раз в три месяца по делам. Молодой, очень обаятельный, бог в постели. Ключевое слово – женат.

– От него нельзя родить ребёнка?

– Можно, но зачем? Мне нужна идеальная ситуация: мама, папа, я – счастливая семья. Я же говорила. Совместные вечера, совместные выходные, фотки в Инстаграме, отпуск, семейные праздники... Причём мне кажется, что это не сверхзадача, это минимум! Ну что в этом такого уж невероятного? Ничего! Миллионы семей такие. Почему мне не дано – я не понимаю.

– Есть мнение, что идеальных семей не существует, – робко сказала Лена.

– Ладно. Меня устроит и нормальная семья, без идеальности.

Они ещё несколько минут шли молча.

– Я к психологу ходила какое-то время, – Татьяна усмехнулась. – До смешного. У меня даже никаких травм в детстве не было. Никто не обижал меня, не насиловал, не приставал. Семья полная – мама, папа, сестра. Меня любили, баловали. Училась хорошо. Защитилась в Москве. Зацепиться не за что. Все хорошо у меня. Было когда-то. А сейчас ненавижу всё.

73

Они снова пошли молча. Лена не знала, о чём спрашивать эту красивую, отливающую золотом женщину. Татьяна остановилась.

– Вот говорю с вами... Елена? Да, извините. Так вот, Елена. Говорю и понимаю. Наверное, мне слишком много было дано с самого начала. Высокий старт. К тридцати годам должность, положение. Я добилась какой-то вершины. А выше мне не надо, я не карьеристка. На этом вершуре меня всё устраивает. Я шла по головам, добивалась и добилась. Потому что было надо, а не потому что мне так хотелось. Все шли – и я шла. И чего я могла добиться – я добилась. Как добиваться семейного счастья? Где искать этого мужа, чёрт бы его побрал? По каким головам пройти? Покажите – я пройду. А хотите чего-то другого... я не хочу хотеть другого. Я хочу семью. И этого... душевного покоя. Остальное у меня есть. Я понятно сказала?

– Вы добились того, чего смогли. А чего у вас нет – вы не знаете, как добиваться. Хотите, но не умеете. И, похоже, циклитесь на этом, – подытожила Лена, впрочем, не особенно уверенно.

– Циклюсь? Да, пожалуй.

В очередной раз воцарилось молчание. Сту-
чали две пары каблучков по весеннему асфальту.

– Так что мы будем со мной делать? – совершенно по-деловому спросила наконец Татьяна.

– Вытаскивать вас из замкнутого круга, – неожиданно для себя ответила Лена, потому что решение пришло к ней молниеносно, вместе с очередной сверкнувшей прямо в глаз лужей.

– Какого круга?

– Ну как у всех круг: дом – работа – дом. Вы ещё где-нибудь бываете?

Татьяна прищурилась, вспоминая. Она была серьёзна и настроена весьма решительно.

– Иногда после работы пью кофе или пиво с двумя подружками в центре. Такими же, как я, неприкаянными старыми перечницами. Обсуждаем подчинённых, цены на нефть, бывших мужей.

– Так всё-таки был бывший муж?

– У них был, у меня нет. А у вас?

Вопрос был задан не просто так. Татьяна критически осмотрела Лену, именно так – осмотрела, как осматривают автомобиль перед покупкой. Сравнила рост, вес, общую статью и харизму. Очевидно, Лена проигрывала своей клиентке по всем параметрам, имея преимущество разве что в размере груди. Но у неё, у Ленки, был в прошлом муж. В этот момент под пристальным взглядом у неё возникло чувство жа-

лости к этой потерявшейся в пространстве жизни женщине.

И она соврала:

– Нет. У меня тоже нет бывшего мужа.

– Ну вот видите, – удовлетворённо кивнула Татьяна, и Лена поняла, что сделала правильно, утаив факт замужества: красивая, ухоженная женщина из клиентки, требующей перемен, тут же превратилась в соратницу.

2

На следующий день Лена отправила Татьяне на электронный адрес план действий. Первым пунктом ей рекомендовалось выбрать секцию по интересам и начать её посещать. «Желательно, чтобы это было место, которое посещают мужчины». Второй пункт – зарегистрироваться на сайте знакомств. Третий пункт состоял из номера телефона – Лена отправила клиентке контакты Нади.

Надя – худая, очень бледная женщина с мальчишеской стрижкой, пятью серьгами в одном ухе и тайфунообразной энергией. Она содержала приют для кошек, названный в её честь «Надеждой». Но на самом деле, как всегда говорила Надя, приют назван в честь просто «надежды» – надежды на то, что когда-нибудь все кошки, коты и котята найдут свой дом. С Надеей Лена столкнулась когда-то в доисторические времена прохождения производственной практики в газете, регулярно писала о её приюте материалы, помогала с текстами для сайта. Несчастных, обмороженных, подранных собаками, выброшенных умирать кошек Надя подбирала сама, ей приносили их десятками. Над всеми она тряслась и плакала. Везла их к ветеринару. Ставила им уколы и капельницы. Она бросила все свои работы и, когда Всемирная сеть позволила искать удалённые проекты, перешла на фриланс. Чтобы иметь время на кошек. Надя была мастером фотографии и краудфандинга: самых тощих и страшных своих подопечных она умела снять так, что не восхититься мордашкой, окрасом или изяществом было невозможно. Приют располагался в однокомнатной квартире, которую Наде оставила её бабушка. Сама Надя жила над этой квартирой, двумя этажами выше, в такой же «однушке». У неё жили три своих кота и три десятка приютских.

Она всегда нуждалась в деньгах и волонтерах. Людей ненавидела настолько же сильно, насколько любила кошачьих. С каждым котён-

ком, которого не удалось выводить, Надя всё больше не выносила род человеческий, всех людей оптом. Но всё же острая нужда в помощниках заставляла их терпеть.

Лена умышленно решила свести этих двух: хрупкую и яростную в исполнении своей миссии пацанку Надю и холёную Татьяну.

Татьяна позвонила через неделю. Лена ожидала услышать в трубке деловой голос, но оттуда раздавались всхлипы. Голос срывался.

– Я не смогу там... помогать, Елена. Это ужасно, ужасно всё.

– Татьяна, что случилось? – воскликнула Лена.

– Я пришла. А там как раз кот, похож на моего Матвея... Его машина переехала... Я даже не знаю, как это описать... Его принесли... Мы его в клинику повезли... А он лежал молча, смотрел на меня и плакал... Настоящими слезами, понимаете? И я не знала, как взять его, чтобы не сделать больно. И не знала, что делать вообще... Из наркоза не вышел. Я не смогу ещё раз... Честно. Не смогу.

Суровая реальность приюта обрушилась на Татьяну в самом своём страшном варианте. Покалеченного кота кто-то подобрал с дороги, принёс, и кота не спасли. Такие вещи случались, по рассказам Нади, регулярно. И именно в очередной виток такой регулярности попала Татьяна.

– Таня, успокойтесь, – сказала Лена как можно более мягко. – Я понимаю, как это ужасно.

– У вас есть кот или кошка?

– Нет, у меня нет никого.

– Тогда вы не можете меня понять, Елена, – сказала Татьяна, снова всхлипнула и положила трубку.

3

Вечером позвонила мама и сказала сухо:

– У Ирины завтра день рождения. Она приглашала. И тебя тоже. Приходи в шесть.

В тесном зале хрущёвки, в которой жили Ленкина тётка Ира с мужем Петей и сыном Петром Петровичем, был накрыт стол. Стол у тёти Иры всегда был одинаков: салат огурцы-помидоры, колбаса, будто порубленная топором, на большой тарелке картофельное пюре и свиные отбивные. Блюда всегда одинаковые, но нескончаемые: ни колбаса, ни отбивные, ни пюре никогда не заканчивались. Муж Петя гнал самогон, любовно настаивал его на разных травах, шиповнике и кедровых орехах, поэтому со спир-

ным проблем никогда не возникало. Ленка всегда удивлялась, что строгая и даже где-то пуритански настроенная мама и её сестры пили этот самогон, от которой у самой Ленки желудок горел огнём.

Тёте Ирине исполнялось пятьдесят лет. Она предстала в том же платье, что и в предыдущую пару лет – коричневого, с крупными бусинами на груди. Короткие, как полинялые волосы небрежно зачёсаны назад, однако веки и губы накрашены. Юбилейный сбор и стол ничем не отличались от прошлогодних, сорокадевятiletних. Пётр Петрович, поздний ребёнок, болезненный и до неприличия избалованный школьник, сидел за столом, поковырял вилкой и ушёл к себе в комнату. В приоткрытую дверь Ленка видела белобрый вихор, торчащий над трогательной пацанячьей макушкой. Пётр-младший надел наушники и пропал из этой реальности.

За столом остались его отец Петька, именно так этот суховатый седой мужичок, с тонким и длинным носом и живыми почти чёрными глазами, именовался в их семье; Ленкина мама, худощавая, с прямой спиной; сама Ленка; тётка Полина, самая младшая из сестёр и самая многодетная. С мужем Полина была в разводе уже с десяток лет, однако весь этот десяток жила с ним в одной квартире и, кажется, достаточно мирно. Рядом с Полиной – та самая Ольга, её мать – тётка Марина, сын Петьки от первого брака Димка. Он вот уже несколько лет пребывал в возрасте «чуть-чуть за двадцать», был весел, подкачан и всё же – Ленка видела по глазам – одинок.

Гости уже наелись, но ещё не напились. Вечер перестал быть томным в одно мгновение.

– А вот Пётр Николаич, – сказала вдруг виновница торжества неожиданно высоким и совсем девичьим голосом, кивнув в сторону благоверного, – сумки собрал у нас. Подарок жене на юбилей сделал.

– Уезжаете, что ли, куда? – весело поинтересовалась Ольга.

– Ага, уезжаем, – театрально ответила тётка Ира. – Но не все. Уйти от нас он решил. Нажил-ся. Всё. Развода хочет.

Муж Петька, впервые, может быть, за всю совместную жизнь названный по имени-отчеству, застыл на секунду. Но тут же схватился за бутылку с самогом, начал разливать по и без того полным рюмкам, не глядя на жену.

– Петь, ты чего это? – спросила Полина и хотнула.

– А чего я, – ответил Петька, – я ничего.

Хотел ещё что-то добавить, но будто подавился словом. Отрезал себе кусок мяса и принялся остервенело его жевать.

– Да-да, уходить он вздумал, – продолжала именинница, как-то победно оглядывая сестёр. – Нет любви, говорит, больше. Любви! Нет! Мужуку полтинник вот-вот стукнет, а ему любовь подавай!

Ленка как-то помимо собственной воли поднялась с табуретки и боком протиснулась в комнату двоюродного брата, игравшего в стрелялку. Через минуту в комнату юркнула Ольга, подмигнула Ленке, мол, тоже спряталась? А за праздничным столом действие разворачивалось, как на сцене драматического театра. Петька оказался перед лицом трёх сестёр своей жены. И хотя ни у одной из них не сложилась личная жизнь, в атаку пошли все трое одновременно.

– Молодую тебе подавай? – неприятно взвизгивала Ленкина мама и повторяла уже сотни раз слышанную фразу: – Да кому ты нужен-то?! На молодую силы нужны, деньги нужны, а у тебя что? Ничего у тебя! У тебя из богатства только жена да сын!

– Хорошая жена слишком, да, Петь? Хорошая, да? – подхохотывая, навалилась на стол грудью Полина. – Надо, чтобы гуляла, чтобы деньги тратила, чтобы пила, да? Тогда нормально. А эта – слишком хорошая, скучно с ней!

Ольга у окна детской молча и театрально закатывала глаза и хваталась за голову. И притом что сцена выходила безобразная, они с Ленкой беззвучно смеялись.

– Петька, ты обалдел, что ли? – это уже тётка Марина вступила своим низким голосом. – Жена даёт мужу один раз и на всю жизнь! Это твой крест. И жена, и сын. Хочешь гулять – гуляй, но зачем семью разрушать?

– Мааааааа, – простонала из своего угла Ольга, – что ты говоришь?!

– Молчи! – крикнула дочери тётка Марина.

И тут в женском хоре грянул голос Петьки. И сразу Ленка поняла: Петька давно уже Пётр Николаевич!

– Да я и рад бы не разводиться, – умоляюще гаркнул он, сёстры притихли от неожиданности. – Да ведь невозможно уже! Она же всю душу мне вынула! Пилит сколько лет за любую мелочь. А жизнь супружеская... Близости у нас нет с Петькиного рождения! А? Каково?

Ленка и Ольга вытаращились друг на друга из разных углов детской комнаты, Ленка закры-

ла немой рот рукой. Над праздничным столом повисла пауза, и Ленка, не видя своих тётки и маму, предстала, как вытянувшись сейчас их лица. И не оттого, что не было секса у Ирины с Петькой уже столько лет, а оттого, что он, молчаливый и всю дорогу покорный мужик, вдруг заговорил об ЭТОМ.

– Чтооооо?! – как-то на вдохе взвыла именинница торжества, и её возмущение лёгким вихрем зависло где-то под потолком. – Ты что говоришь-то?! Разве про такое можно... Постеснялся бы ребёнка, ирод!

Понятно, что тётка Ирина говорила про вполне конкретного ребёнка – своего. Но тот жил в параллельной реальности, далеко от этой квартиры и этих разговоров, и в момент этой безобразной сцены как раз шёл по пустыне с автоматом наперевес. Остальные бегающие по квартире дети в расчёт не брались.

– Давай-давай, береги сыночка, – зловеще ответил Петька-старший. – Надеешься, что он до свадьбы будет думать, будто его в капусте нашли?

Ленка подобралась к Петьке-младшему, оттянула наушник с одного уха и шёпотом спросила: – Петь, сколько лет тебе?

– Тринадцать, – ответил тот безучастно.

Ленка с Ольгой молча смотрели друг на друга. Ленка почувствовала, как тоска разливается по её позвоночнику. Тоска и жалость к Ирине, к мужу её, к этому вихрастому и, видимо, привыкшему к скандалам в доме пацану.

– Подумаешь, – первой подала голос Ленкина мама. – Не секс в семье самое главное. Без секса можно прожить. Главное – уважение! Помогать друг другу! А секс – что секс!..

Тоска в Ленкином позвоночнике превратилась в горячий ужас. Ольга уже не хохотала беззвучно, а стояла грустная и смотрела в серые сумерки за окном. Годы ненастоящей, ополовиненной жизни звучали в этих словах. Не-счастье, возведённое в принцип. Ленка так чувствовала. Снова высказалась тётка Ира, видимо, уже жалеющая, что завела ссору.

– Ладно, хватит болтать. Давайте фотографироваться! Праздник у меня!

И все были рады, что можно выйти из неудобного положения, выскочить из сложного разговора. Заскрипел диван, задвигались табуретки, звякнули потревоженные на белой скатерти бокалы...

По дороге домой Ленка мысленно перебирала фотографии в рамках, расставленные и раз-

вешанные по всей квартире тётки Ирины. Везде счастливая семья из трёх человек – Ирина, Петька и Пётр Петрович разной степени взрослости. На море, на пикнике...

Ленка пообещала себе, что обязательно расскажет Татьяне о сегодняшней ситуации, отвлечённо, конечно, без имён. И как-то обсудит с ней наличие счастливых фотографий без наличия счастья. Может, ну их – фотки и идеальную семью? Главное, чтобы взаимопонимание, любовь. Ну и секс, конечно, тоже. Обязательно секс.

4

Однако встречи с клиенткой, которая нуждалась в избавлении от ненависти к жизни, не случилось. Татьяна прислала электронное письмо. Темой его значилось «Вот что у нас по второму пункту». Текст краток: «Долго объяснять не буду». И дальше шли несколько десятков файлов – копии диалогов на сайте знакомств. Это был беспросветный ужас, читая который, впрочем, Ленка не могла не хохотать. Присланные в личные сообщения фотографии не очень хороших мужских фигур или мужских же достоинств, не вызывающие ничего, кроме чувства бесконечной брезгливости. Безграмотные и бессмысленные сообщения вроде: «Привет зайчонок не хочешь горячего парня?» – и так далее, и тому подобное. Уже к четвёртому файлу хоть и хотелось, но при этом хотелось стукнуться головой об монитор. Сайт знакомств аккумулировал в себе худших представителей мужского пола – ощущение было именно такое. Глупые и неграмотные, похотливые и самоуверенные бездельники поджидали красивых, успешных, но одиноких женщин. Именно к такому выводу пришла Ленка. Снова подумала о Романе. Он не такой, совсем не такой. Наверное, он никогда бы не зарегистрировался на сайте знакомств. Зачем ему другие женщины? У него же есть она.

Громко зазвонил лежащий рядом телефон, Ленка вздрогнула. Это была Татьяна.

– Получили? – осведомилась она.

– Получила, – Ленка не сдержалась и хихикнула.

– Ничего смешного, если честно, – устало отозвалась Татьяна. – Я неделю пыталась выдерживать этот кошмар, отвечала на сообщения и даже сходила на одно... ммм... свидание. Я честно пыталась, Елена.

– И?

– Это выше моих сил. За эту неделю я вовсе перестала надеяться на своё светлое будущее. Ну вы же читали. Нормальных и адекватных мужчин на сайтах знакомств нету. Можете считать, я проверила. Эксперимент провалился.

– Ну подождите. А на свидании что случилось? Вы же пошли?

– Да, пошла. Вполне неглупый мужчина в переписке был, – Татьяна на секунду задумалась, видимо, подбирая слова. – Надо сказать, что он действительно не глуп, даже, наверное, интересный человек. Но – алкоголик. Не работает. Выглядит неопрятно. Если честно, когда мы встретились в кафе, я переживала, что кто-то из коллег меня увидит. Вот насколько всё плохо.

Лена вздохнула в трубку.

Глава 5 КЛИЕНТ ЧЕТВЁРТЫЙ. РОМАН

1

Лёд в бокалах таял быстро, но мартини всё равно исчезал быстрее. Ленка и Милана сидели на маленькой кухне Ленкиной квартиры и отмечали пятницу. Свет не включали. За окном ещё только темнело, сумерки наступали лёгкие и прозрачные, из открытой форточки тянуло ароматом весны, тающего снега и мокрого асфальта. Ленка сидела прямо под этим воздушно-весенним потоком и дышала им, не боясь простыть.

Милка приехала сразу с работы, элегантная, хоть и в пятничных джинсах и рубашке в кокетливый цветочек. Привезла с собой целую сумку вкуснятины: сыров, фруктов, пару готовых салатов и кусок карбонада – в общем, всё то, что сама она почти не ела, но знала, что это любит Ленка. Та в благодарность обещала подружке сварить кофе, но начать решили с мартини.

Громко и требовательно зазвонил в прихожей телефон. Ленка вздрогнула и, предчувствуя новое нервное знакомство, резко встала со стула. Телефон ярко светил из сумки, как из бездны, орал стандартную электронную мелодию. Взяв его в руку, Ленка приготовилась увидеть незнакомый набор цифр на экране, но вдруг прочитала: «Ромочка». Это слово на секунду выбило её из реальности, потому что она не сразу поняла, что это за «Ромочка» и откуда он взялся в конспиративном телефоне. Но молниеносно вспомнила, как записывала этот номер, вспомнила, что никогда не рассказывала Роману про

свой журнальный первоапрельский эксперимент. И поняла, почему в эту газету бесплатных частных объявлений она написала: именно это издание всегда лежало у её мужчины на подоконнике.

От секундного озарения стало вдруг трудно дышать и в груди появилось предчувствие катастрофы. Ленка схватила телефон и побежала на кухню.

– Мила!!! – шёпотом заорала она, словно их мог услышать человек на том конце невидимого провода. – Возьми трубку! Это по объявлению! Умоляю!!!

Милка, конечно, ничего не поняла, но не дала ни одного вопроса, аккуратно поставила бокал с мартини на стол и нажала на кнопку с зелёной трубкой. С первой секунды разговора она начала улыбаться невидимому собеседнику. Говорила спокойным, грудным голосом, ласково и так, будто делала это каждый день:

– Добрый день. Да. Да, я. Да, конечно. Я психолог. Да. Да. Несомненно. Абсолютно точно. Я вас прекрасно понимаю. Да, вы совершенно правы, это не телефонный разговор. Нам надо встретиться, познакомиться и оценить, так сказать, все аспекты вашей ситуации. Да. Да, завтра мне удобно. Во сколько? Да. О да, это отличное место, там можно прекрасно поговорить. Договорились. Всего доброго.

Отключившись, Милана положила телефон на стол, взяла в руки бокал и только тогда подняла глаза на Ленку, которая в оцепенении сидела перед ней на табуретке.

– Это он? Роман?

– Он, – выдохнула Ленка.

Её слегка колотило.

– Позвонил по объявлению, не зная, что это ты его дала?

– Да.

– Грандиозно! – Милку это правда забавляло, она не видела в ситуации никакого трагизма, только интригу.

2

Милана договорилась с Романом встретиться в полдень в кофейне «Итальяно» в центре города. Место это было нелогично дорогим и пафосным, рафинированная публика, как называла этих людей Мила, традиционно и необъяснимо собиралась там лишь по вечерам, днём даже в выходной в маленьком зале кофейни почти никого не было.

Накануне подруги поспорили, какой из назначений такого места встречи следует вывод. Ленка ни разу не слышала от Романа, чтобы он бывал в «Итальяно», поэтому предположила, что любимый мужчина хочет произвести впечатление состоятельного человека. Ей несколько раз назначали эту кофейню в качестве места для интервью гламурные мальчики и девочки города. Милка была уверена, что Роман не хочет, чтобы его видели в кафе с женщиной. В полдень в «Итальяно» их могла рассекретить разве что надменная официантка. Почему-то все официанты в этом заведении были надменными – тут Ленка и Мила сошлись во мнениях.

Милана позвонила Ленке перед входом в кафе и велела спокойно ждать дома. И вот уже третий час Ленка нарезала круги по своей квартире. Круги получались маленькие, оттого ещё более бестолковые и беспокойные. Она не выпускала из рук телефон и каждую секунду ждала звонка. Но неожиданно позвонили в дверь.

На пороге стояла Милана, и вид её поразил Ленку. И слегка напугал. Во-первых, она была заплаканная, и следы растёкшейся туши темнели под глазами. Во-вторых, в руках у неё была бутылка коньяка, хотя обычно подруги ничего крепче мартини не пили.

– Мила, что, всё НАСТОЛЬКО плохо? – помертвевшим голосом спросила Ленка, пропуская гостью в тесную прихожую.

– Не знаю, настолько или нет, Ленуся, но страшно захотелось коньяку.

– А почему ты плакала?!

– Потому что бабы – дуры, Ленуся. И это ужасно, ужасно грустно.

Новость первая была такова: Роман женат. Женат давно, прочно и бездетно. С женой вместе он уже какое-то время не жил, но разводиться не собирался и говорил о ней только как о жене. Жена, по словам Романа, была тяжело больна.

– Думаешь, рак? – спросила Лена, не до конца ещё понимая, как ко всему этому относиться.

– Думаю, алкоголизм, – ответила Милана и залпом хлопнула рюмку коньяка.

По словам Романа, жену он ценил и уважал как человека, не любил давно, о разводе не думал никогда. «Потому что не мог предать близкого человека» – так он объяснил это Миле. Говоря об этом, та иронично и недоверчиво прищурила свои раскосые глаза, и Ленка поняла, что подруга не поверила Роману ни на секунду.

Мотивы были другие. Какие – материальные, благородные или ещё какие – сейчас было не так уж и важно.

Новость вторая звучала примерно следующим образом: кроме жены, у Романа были ещё две любовницы – одна безответно любила его, другую беззаветно любил он.

– И кто из них я? – обалдело спросила Ленка, хотя, конечно, уже понимала, что знает ответ на свой вопрос.

– Ты, Ленуся, та прекрасная женщина, тепло которой необходимо, глаза которой согревают и секс с которой бывает хорош. Ты та женщина, которую он, казалось, полюбил. Но потом понял, что ошибся. А ты уже полюбила его, и эта любовь подпитывает его во дни сомнений, во дни тягостных раздумий... В общем, ты нужна ему, чтобы он знал, что его кто-то любит. Он перед тобой, конечно, виноват.

– Это он так сказал?

– Да, он сказал, – Милка размашисто кивнула, и по этому мотанию головы Ленка поняла, что коньяк на подругу подействовал. – Так и сказал: «Я перед ней, конечно, виноват».

– А та, вторая, она кто?

– Я имени не спросила. Да и какая разница. Но так поняла, что это какая-то то ли первая любовь, то ли несостоявшаяся любовь, в общем, та любовь, которая не ржавеет.

– Это тоже он так сказал?

– Нет, это я уже сама.

– И он её любит?

– Любит.

– Давно?

– Давно и сильно. Сама же знаешь, чем любовь безответнее – тем сильнее.

– А почему не разведётся?

– Потому что жена больна. И потому что та, другая, его не любит. И не скрывает. Он для неё, вероятно, тот прекрасный мужчина, тепло которого согревает и секс с которым бывает хорош... В общем, ты, Ленуся, попала даже не в любовный треугольник, а в какой-то любовный квадрат!

Милка становилась всё пьянее, и, несмотря на крах личной жизни, Ленку это смешило, и она хихикала, правда, немного нервно.

– А почему жена пьёт?

– Запьёшь тут, – Милка заглянула в свою рюмку. – Детей нет. Муж не любит. Она, кстати, не работает. Живёт в загородном доме. Одна.

Они помолчали. Ленка смотрела в свою нетронутую рюмку, прислушивалась к себе и с удив-

лением понимала, что сквозь разрывающую душу серое и огромное разочарование пробивается едва ощутимое облегчение, как весенний одуванчик сквозь асфальт. В голове стало пусто и даже образовалось что-то вроде сквозняка. Разъедающий мозг вопрос «почему так?» вдруг испарился, а на его место пока ничего не пришло. Вся новая информация словно уже существовала где-то внутри и сейчас вскрылась, как давний нарыв. Было гадко, отвратительно и очень горько, но удивления она так и не почувствовала.

Многое стало понятно. И неответчения на звонки. И пропадания на выходные. И эта трагическая загадочность... В носу жарко защипало, хотелось завить.

– А чего он хотел от тебя, Мила? От меня то есть... От объявления, в общем.

– Избавления, – ответила Милка резко. – Душевного спокойствия. Чтобы другой человек волшебным образом избавил его от чувства вины, от необходимости врать, от всего сумасшедшего дома, в который он сам превратил свою жизнь. Ты понимаешь, Ленуся? Избавления! Минимальными усилиями! Звонком по телефону!

Мила явно начинала кипятииться. Впрочем, это было ей не свойственно, поэтому раздражение выглядело слегка комичным. Но лишь для стороннего наблюдателя. Ленка видела, как всё это зацепило и разозлило подругу. А та продолжала монолог отрывистыми фразами, глядя то на Ленку, то на бутылку коньяка, то в окно – и всё время немного мимо:

– Сначала он показался мне каким-то излишне трагичным. Форменный Гамлет. И смотрит так пристально, неприятно. И голос тихий, как будто мы на конспиративной квартире. А потом я поняла, что он действительно воспринимает себя как трагического героя. Действительно страдает. И жалеет себя. И это так странно, но у меня как у психолога не возникло к нему сочувствия.

Ленка поражалась, как же она так промахивается с мужиками. Милка видит их сразу и насквозь, а Ленка... Тоже ведь диплом психолога получила, а в людях разбираться не научилась. Вынимающий душу взгляд Романа Милане показался неприятным, завораживающий голос с хрипотцой ей тоже не понравился. И эта загадочность любимого мужчины... Ленка на секунду взглянула на него со стороны и даже усмехнулась – точно, шекспировский герой. Запутал свою жизнь своими руками, а избавления ищет – чужими.

– А что теперь, Мила? На чём вы расстались?

– Я была с ним честна, Ленуся. Я сказала, что душевного покоя я ему не обеспечу, потому что в созданной им ситуации это невозможно. Но потом, – тут Милана пьяно хихикнула, – я не сдержалась и сказала, что постараюсь кое-что сделать для того, чтобы облегчить сложность этой ситуации. И вот сейчас я всё тебе рассказала, тем самым, надеюсь, сделала вклад в судьбу Романа. И твою, конечно, Ленуся.

Ленка поняла и кивнула.

– Ты же всё правильно сделаешь? – Милка внимательно посмотрела вокруг Ленкиного лица.

Ленка усмехнулась. Лучшая подруга знала её слабохарактерность и опасалась, что Ленка наступит на горло собственной гордости, даже располагая инсайдерской, так сказать, информацией. Знала, опасалась, но при этом не давила. Чудесная, чудесная пьяная Милка.

– Конечно, Мила, я всё правильно сделаю. Не переживай. Пока не знаю, как, но сделаю.

Когда Милану увезло домой такси, на улице уже стемнело, но свет включать не хотелось. В этой мартовской темноте на Ленку навалились те бабьи чувства, от которых она усилием воли отбивалась весь вечер: стало невыносимо жалко себя и захотелось позвонить Роману и разоблачить его, а лучше – поехать и закатить форменную истерику. А ещё лучше – застать его с той, другой, любимой. Увидеть своими глазами, закатить ту же истерику, вывести на чистую воду... Или наоборот – молча посмотреть в его глаза, всё ему высказать своим взглядом, развернуться и уйти... Пусть мучается ещё больше. А вдруг она уйдёт, а он поймёт, что именно её любит... что боится потерять... вдруг побежит за ней...

Пропитанные коньяком мысли путались и куда-то несли Ленку, а она не сопротивлялась. Она представляла, как скажет ему: «За что ты со мной так? Почему ты ничего мне сразу не сказал? За что ты меня мучаешь?» Или вот так: «Я же люблю тебя! Никто не любит тебя так, как я, и не полюбит. Почему, ну почему ты не любишь меня?! Ведь всё было так хорошо!» Или совсем просто: «Ты сволочь! Ты просто лживый подонок!!!»

И представляя сцены объяснения с Романом, своих истерик или его покаянных речей, подсознательно Ленка понимала, что всё зря. Всё зря. Невозможно упрекать человека в том, что он тебя не любит. Можно обвинить его во лжи, но в нелюбви – бессмысленно. Да и тот ли

этот человек, любовь которого Ленке нужна? Тот ли это мужчина, на которого можно рассчитывать? Которому можно довериться? Может, он и Гамлет, но она в этой трагедии не хочет быть Офелией. Да и Гамлет мелковат. Странноват. Чересчур лжив. И всё равно, чёрт возьми, почему же так горько?

Она сидела на подоконнике и смотрела в пустой двор, освещаемый одиноким и тусклым фонарём. Вспоминала их ночи, его слова, его взгляд и его поцелуи – и как бы ставила галку напротив каждого воспоминания: ложь, и это ложь, и это ложь, всё ложь.

Потом Ленка легла спать и, конечно, поревела в подушку. И уже засыпая, она начала придумывать стихотворение, но успела придумать только первую строчку: «Снова некого стало любить...» – и провалилась в глубокий, избавляющий от душевной боли сон.

Глава 6 ОКОНЧАНИЕ ИГРЫ

1

Поздним утром, крася глаза в прихожей, Ленка репетировала важный разговор с главным редактором журнала. Квартальный календарь родного издания на стене неотвратимо показывал 23 марта, а это значит, что через два дня весёлый апрельский номер должен быть сдан в печать. Выпускающий редактор Людмила Петровна не торопила Лену, поскольку за несколько лет совместной работы привыкла, что та всё делает в последний момент, но делает качественно. Но в этот раз Людмила Петровна не знала, что у Лены материала нет. Что её блестящая идея превратилась в мучительное испытание.

«Карма, – твердила она сама себе, подводя левый глаз привычным и выверенным движением, – карму надо отрабатывать. Карма – дело такое...»

Карма – это ещё полбеды. Беда была в том, что о провале эксперимента не знала Оксана Геннадьевна, которой Лена три недели уверенно врала, что всё хорошо, всё под контролем и статья будет – все обалдеют!

Лена нарисовала второй глаз, взялась за ресницы и, закатив глаза, представляла себе беседу с главным редактором. Собиралась каяться, но без усердия.

На кухонном столе брякнул эсэмэской телефон, но Лена спокойно докрасила глаза, чуть

подрумянила скулы, тронула блеском губы. Надела пальто, натянула на свою новую стрижку старый красный берет и только тогда пошла в кухню за мобильником. Сообщение пришло от курирующего моду Вадика Соловьёва, что было само по себе странно – Вадик ей писал крайне редко. Стало интересно. Конвертик на экране за долю секунды превратился в четыре жутких слова: «Биг-Босс умер. Прикинь».

2

Биг-Босса, собственника группы компаний, звали Иван Сергеевич. Чуть за сорок, он был молчаливым, очень симпатичным и энергичным человеком. «Был», – с трудом соотнесла Ленка в своей голове этот глагол и этого мужчину.

Иван Сергеевич олицетворял Ленкину мечту жизни. Он толково и с любовью руководил своим делом, самодурил в меру, не курил и в пьянстве уличён не был. Зимой катался на горных лыжах в Альпах, летом принимал участие в регате на французской Ривьере, круглогодично ходил в спортзал и по выходным играл с друзьями в футбол. Это был интересный и увлечённый жизнью человек, как казалось Ленке после интервью, которое она брала у хозяина журнала для журнала. Наверное, даже в чём-то идеальный. Впрочем, даже идеального мужика не обошло стороной явление, именуемое в народе «седина в бороду – бес в ребро». Иван Сергеевич два года назад внезапно развёлся с женой, умницей и красавицей, с которой жил чуть ли не с окончания школы и родил двоих детей. Жена его создала журнал «Красивая жизнь» и три года вкладывала в него душу, занимая пост главного редактора. И вдруг в одночасье она исчезла, а через пару дней Иван Сергеевич лично представил обалдевшей редакции Оксану свет-Геннадьевну, просто красавицу, без умницы. Новый руководитель редакции строго и уверенно обводила взглядом своих подчинённых, а Биг-Босс, исполнив свою миссию, попрощался, хлопнул Оксану по аппетитной попке и как ни в чём ни бывало удалился. Стало всё понятно, и светлый образ Биг-Босса в глазах Ленки слегка помутнел.

Можно было предположить, что он расшибётся на своей спортивной тачке где-нибудь на трассе. Или сломает шею на сложном горнолыжном спуске. Или утонет. Или умрёт во время секс-марафона с молодой любовницей. Но невозможно было представить, что этот высокий,

крепкий, красивый мужик покинет мир от сердечного приступа в сауне фитнес-центра после утренней тренировки.

Ленка пришла на работу. Во всём здании, принадлежавшем Биг-Боссу и вмещавшем в себя несколько его фирм, стояла гнетущая и какая-то паническая тишина. Администратор Ирочка на стойке внизу плакала, не скрывая слёз, и, что уж выглядело совсем фантастичным, сбрасывала звонки без конца орущего на весь холл телефона. Увидев эту картину и услышав захлёбывающуюся и обрываемую трель главного офисного телефона, Лена подумала: «Влетит же Ирке!» – но тут же осеклась. Администратора уже отчитать было некому, поэтому она и не пыталась оставаться приветливым лицом и голосом.

На этаже, где располагалась редакция, царил безмолвие, какое случалось только в выходные. Не слышался обычный хохот в кабинете коммерческого отдела, не звонили телефоны, не цокали по кафелю пола шпильки многочисленных нимф журнала «Красивая жизнь».

В Ленкином кабинете сидела только Анечка, глядя чуть припухшими ненакрашенными глазами в компьютерный монитор. На вошедшую она посмотрела растерянно и сказала:

– Лен, ну невозможно же представить... – голос дрогнул, и Анечка расплакалась.

– И не говори, – ответила Лена, прошла к своему столу, бросила сумку на стол и включила компьютер. Хотя зачем включать компьютер и что делать вообще – было непонятно. – Оксана Геннадьевна на месте?

Анечка помотала головой и вытерла слёзы.

– Не представляю, каково ей сейчас.

«Да, Оксане, уже заказавшей свадебное платье в одном из американских интернет-магазинов и полностью придумавшей праздничное оформление ресторана, не позавидуешь», – подумала Ленка. В том, что «Красивая жизнь» закончила своё существование вместе с Биг-Боссом, она не сомневалась.

Эту догадку подтвердил коммерческий директор Дима. На его мониторе был открыт сайт с вакансиями. Дима искал работу.

– Думаешь, закроют нас? – вместо приветствия спросила Ленка, стоя в дверях маленького, но уютного и дорого обставленного кабинета.

– Без сомнения, – едва взглянув на вошедшую, спокойно ответил Дима. – Мы – имиджевое предприятие. Журнал жил, потому что Биг-Боссу так хотелось. Это не бизнес, это игрушка.

– Реклама же продаётся, – пыталась возразить Ленка, мотнув головой в сторону кабинета за стеной, где обитали три менеджера по рекламе.

– Я тебя умоляю, Лена, – усмехнулся коммерческий директор, продолжая смотреть в монитор. – Ты взрослая, умная женщина, ты же всё понимаешь. Вообще, между нами говоря, я удивляюсь, как и зачем ты здесь так долго сидишь?

– А ты? – парировала взрослая, умная женщина.

– Согласен, – вздохнул Дима и наконец поднял на Ленку глаза. – Считай, это нам с тобой пинок такой. Пора изменить свою жизнь. А мужика жалко, конечно. Сорок пять лет – это не возраст...

– Странно, что ты сказал про «изменить свою жизнь».

– Почему?

– Просто я думаю об этом последний месяц.

– Ну вот видишь, как оно всё складывается.

Удачно, – Дима помолчал и добавил: – Прости меня, Господи.

3

Похороны Биг-Босса отложили на несколько дней, чтобы успела вернуться из-за границы его бывшая жена с детьми, и назначили на 1 апреля. В этом была непостижимая ирония и трагедия. Первоапрельские похороны. Ленка решила не ходить на прощание в траурный зал и поехала сразу на кладбище. Трясаясь в маршрутке, она со стыдом понимала, что переживает не только потому, что сейчас будет хоронить молодого, красивого и успешного мужчину, но и потому, что на похоронах, скорее всего, встретит Романа.

Выйдя на остановке, Лена сразу увидела огромное скопление дорогих машин и толпу людей. Серое небо висело над головой. Дул холодный, но пахнущий весной ветер. Берёзы вдалеке прощально махали Биг-Боссу голыми ветвями.

Гроб поставили около прямоугольной ямы, вокруг него выстроились близкие и родные. Лена стояла поодаль и смотрела на всё, как смотрят кинофильм, силясь поверить в происходящее. Внутренне сжавшись, она набралась храбрости и посмотрела на тело. Иван Сергеевич лежал... красивый. Только это слово Лена смогла подобрать. Спокойное лицо, чистый, открытый лоб, лёгкий румянец и даже полуулыбка – вот такой лежал в гробу мужчина. «Как можно хоронить такого не похожего на мертвеца человека?» – думала Ленка. И ещё она думала: «Надо учиться жить. Как-то надо учиться жить, чтобы жить дол-

го. Чтобы вырастить детей и помочь им вырасти в нуков. Чтобы дожить до дома в деревне, гостиной с камином и креслом-качалкой. Казалось бы, Биг-Босс жил идеальной жизнью, занимался спортом, следил за здоровьем, но всё равно ушёл рано и многого не успел. Значит, и это неправильный путь? Как же надо жить? Как же это – жить правильно?»

Возле гроба стояла невысокая красивая женщина в чёрной норковой шубке и чёрном платке. Лицо её было бледным и осунувшимся, большие серые глаза – влажными, но она не плакала. Бывшая жена Ивана Сергеевича, Ленка успела с ней поработать. Рядом с ней горевали их дети – мальчик-подросток и ещё совсем маленькая девочка. Сын смотрел в землю. Дочка шмыгала красным носом, то ли сейчас заплачет, то ли вот-вот успокоится.

Две пожилые женщины были совершенно одинаковые на лицо. Ленка никогда их не видела, но догадалась, что это мама и тётка Ивана Сергеевича, все в конторах знали, что у мамы Биг-Босса есть сестра-близнец и что они вдвоём вырастили его. Они рыдали и голосили.

Навзрыд плакали незнакомые, дорого одетые женщины. Одинокó страдала Оксана Геннадьевна, в сером пальто, которое, как показалось Ленке, продувается насквозь, без шапки и без перчаток. Ветер растрепал её длинные светлые волосы, но она этого не замечала. Посиневшими от холода руками Оксана держала маленький чёрный клатч. На сером лице выделялись накрашенные ярко-красным губы. «Наверное, так любил Биг-Босс», – невольно подумала Ленка, глядя на эти губы, казавшиеся чужими на лице девушки. Оксана Геннадьевна не выглядела плачущей, слёзы просто катились из глаз к подбородку. Ленка поневоле залюбовалась этим красивым и, как ей впервые показалось, настоящим и живым лицом.

Потом говорились речи. Люди подходили к гробу прощаться. Две старушки упали на тело и долго гладили лицо, что-то приговаривая. Бывшая жена наклонилась к его уху и что-то сказала, как будто он мог услышать, а затем поцеловала в губы. Ленка подошла и погладила мёртвого человека по волосам, глядя на свою руку, а не на него. «Спи спокойно, Биг-Босс», – сказала она. Оксана не подошла прощаться, а когда гроб начали опускать в яму и две старухи взвыли: «Сынок!!!» – она закрыла лицо руками и так стояла до тех пор, пока его не закопали.

Когда Ленка в одиночестве ковтыляла к выходу с кладбища, её нагнал Роман. Взял под руку, словно ударил током, сказал близко к уху, отчего по спине прокатилась волна мурашек:

– Привет, малыш!

– Привет, – без эмоций в голосе смогла отозваться Ленка.

– Ужасно, правда?

– Правда.

– Он ведь всего на несколько лет старше меня.

– Да.

Они какое-то время шли молча. Потом Роман сказал:

– Завтра вечером я свободен. Приезжай ко мне.

За несколько секунд, что Ленка молчала, в её голове пронеслись десятки вариантов ответа. Хотелось согласиться, наплевав на собственную гордость и на то, что всего несколько дней назад рассказала Милка. При этом хотелось тут же спросить его, любимого мужчину, неужели это всё правда и за что он так с ней. Одновременно было страшное желание разреваться и разорваться, что она всё знает, что он сволочь и что дальше так продолжаться не может... Или можно было спросить что-то вроде: «А куда же делась твоя любимая женщина?» Или сказать: «Лучше съезди к жене, она же так больна!» И тут же возник в голове Дима, сказавший про волшебный пинок и про то, что пора изменить свою жизнь. И всё равно – очень хотелось согласиться. Прижаться. Раствориться. Забыть.

Ленка остановилась и посмотрела Роману в глаза. Глаза были холодные, хотя смотрели, как всегда, прямо и по-родному.

– Рома, – сказала она тихо, – я думаю, нам пора расстаться.

– Почему? – он на самом деле удивился, одна бровь поднялась и сломанно изогнулась.

«Потому что ты обманщик и скотина!!!» – захотелось заорать ему прямо в лицо. Но она тихо, спокойно – и неожиданно для себя – соврала:

– Потому что я тебя больше не люблю.

Высвободила свой локоть из его руки и пошла дальше одна. Хотелось уйти гордой и лёгкой походкой, чтобы он запомнил её прямую спину навсегда, но на тонком льду ноги разъезжались в стороны, то одно, то другое колено предательски уходило назад. Ленка затылком чувствовала удивлённый взгляд любимого мужчины, и ей было почти всё равно, что он навсегда

запомнит её неуклюжей, чуть не падающей, ковтыляющей к воротам кладбища после первоапрельских похорон.

Глава 7 КЛИЕНТ ПОСЛЕДНИЙ. АЛЕКСАНДР

1

Апрель был потрачен на поиски нового места работы. Лена читала газеты и сайты с вакансиями, как беллетристику, – с интересом, но с полным ощущением, что к её реальной жизни всё написанное имеет весьма посредственное отношение. Журналисты были не нужны. Нужны были швеи, повара, флористы, продавцы и сотни менеджеров по продажам. Или даже тысячи. Ленка уже начинала всерьёз задумываться, чтобы пойти вот таким менеджером. Чем они занимаются, она примерно представляла. Но гораздо более привлекательным казался путь уборщицы или мойщицы посуды в ресторане у дома. Моешь себе – полы или тарелки – и думаешь о своём. Не врешь, не юлишь, ничего не придумываешь из того, что придумывать не хочешь. Мечта, а не работа. Но смелости позвонить по телефону с такими вакансиями у Ленки не нашлось. Вместо этого она написала эсэмэс всем знакомым, работающим в газетах, журналах и на сайтах. Написала, что ищет работу.

Лишь одно сообщение из этой рассылки оказалось более-менее перспективным. Бывшая одногруппница Лера, работавшая ответственным секретарём в городской газете, позвонила и сказала, что у них в редакции как раз есть вакансия. Лена собралась за пятнадцать минут и приехала в крошечную редакцию в старом центре города. Газете «Город» требовался корреспондент, причём нужда была хронической: из четырёх, нужных по штатному расписанию, в издании трудилось только двое. Это были два мужичка предпенсионного возраста, которых Ленка помнила ещё со студенческих времён – они уже тогда работали в газете «Город». Мужички были матёрыми журналистами, неопрятными и перманентно страдающими с похмелья. Ничего особенного от этого звонка Леры Ленка и не ждала, но, увидев в сумраке коридора полинялое лицо одного из «матёрых», мгновенно простилась с остатками надежды.

Собеседовал её главный редактор газеты – относительно молодой человек, с тонкими, постоянно дергающимися губами и высоким лбом,

который сверху был окаймлён неуместной для мужчины его возраста чёлкой, а снизу – толстой оправой очков. Новый человек был на самом деле ему не нужен, потому что он ожидал, что газета вот-вот отвалится наконец от городского бюджета и тихо исчезнет. Но кто-то настойчивый в мэрии всё выделял и выделял средства на то, чтобы «Город» влачил жалкое существование, не умирая окончательно.

– Зарплата – десять. Премия очень редко, читай – никогда, – зловеще сказал главный редактор в лицо Елене и прищурился, выжидая.

Лена, уже понявшая, что ловить тут нечего, решила всё же немного поболтать и сделала такой вид, мол, ну а что, нормальная зарплата.

– А объём работы какой?

Главред был неприятно удивлён. И раздражён.

– Девушка, наша газета когда-нибудь была у вас в руках? – с максимальной ироничностью спросил он, откидываясь в довольно дорогом, кстати, кресле.

– Конечно, – Ленка, вживаясь в образ полной дурочки, мелко закивала. – Я её регулярно читаю. Очень интересно! И чувствуется качественная журналистика – такая редкость в наше время!

– Какой может быть объём в еженедельной газете на четыре полосы, одна из которых занята объявлениями и кроссвордом? – вопрос был задан с интонациями школьной задачки по арифметике.

Для небольшой редакции объём достаточно серьёзный. Но при этом – не внушающий ничего, кроме скуки. Ленка вдруг устала и начала засыпать, невыносимо захотелось зевнуть прямо в лицо редактору. Но она сдержалась, кое-как ответила ещё на пару раздражённых вопросов, попрощалась и вышла из кабинета. Поблуждав по сумеречному коридору, нашла кабинет Леры, пропахший плохим кофе и плохим табаком.

– Ну как? – спросила та, отрывая от компьютера вполне себе заинтересованный взгляд.

– Так себе, – Ленка пожала плечом.

– У нас тут всё так себе, – усмехнулась бывшая одноклассница. – Ты такая стала... модная, что ли, современная. Я, пока тебя не увидела, думала, что вполне сможешь у нас прижиться. А когда увидела, поняла, что – нет. Ты тут не сможешь, правда, Лен. К тому же у тебя талант.

– А ты чего тут сидишь столько лет? – задала Ленка тот вопрос, который её действительно интересовал.

– Сама не знаю, – Лера снова усмехнулась, – просто привыкла, наверное.

Они с Лерой выпили по кружке отвратительного растворимого кофе. Вспомнили студенческих друзей, обсудили, кто и где.

Когда Лена прогуливалась по весеннему городу, попыталась разобрататься, почему в ней за село несогласие со словом «стабильность». Хотелось жизни, но не стабильности. Жизни полной ложкой, пусть не спокойной и не упорядоченной, но разной, интересной, наполненной событиями и любовью... И в этот момент в сумке зазвонил громко, требовательно и даже как-то истерично телефон. Лена вытащила его, долго смотрела на незнакомый номер и очень-очень не хотела отвечать. Пообещала себе: «Этот – последний!!!» – и приняла вызов.

– Здравствуйте, меня зовут Александр, – сказал в трубке мужской голос. И этот голос, низкий и взрослый, Ленке сразу понравился. Он показался ей весёлым, что ли, хотя был серьёзным и даже немного суровым. Но всё равно как-то повеяло той самой полнотой жизни, о которой она взывала неизвестно к кому всего пару минут назад.

2

Шёл дождь, сильный и холодный, больше похожий на осенний. Лена выскочила из дома. План был такой: добежать до остановки, прыгнуть в троллейбус, доехать до маникюрного салона, там сделать маникюр и поехать на встречу с Александром. Она гордилась собой: из дома вышла без опоздания и не спешила, до назначенного времени в салоне оставалось полчаса. Ногти выглядели отвратительно – с облупившимся чёрным лаком.

Дождь хлестал по лужам, заставлял их пузыриться. Все тропинки раскисли, и Ленка прыгала по ним, как лягушка, с одного островка на другой, стараясь удержать зонтик так, чтобы не намочила сумку. Она свернула за угол дома, подняла глаза, чтобы оценить состояние тропинки до тротуара, и увидела большой мешок. Ещё до того, как Ленка поняла, что это человек, внутри стало нехорошо, даже замутило. Поперёк пустого тротуара лицом в луже лежала женщина. Ленка побежала, понимая, что чистоте ботинок и джинсов пришёл конец, как, собственно, и всем планам.

Женщина была большая, грузная и немолодая. Её коричневое пальто пропиталось водой.

Меховая шапка, абсурдная в такую погоду, валялась рядом, в воде. Лужа бурлила вокруг коротких седых волос женщины. Голова лежала на боку, однако чуть больше половины лица были под водой. Женщина стонала, будто рычала, но не двигалась. Ленка подумала, что вот сейчас, на её глазах захлебнётся и умрёт человек. Она бросила зонт и сумку на грязный асфальт, схватила женщину за плечо и попыталась перевернуть на бок. Но и сдвинуть не смогла. «Что с вами? Вам плохо? Вы можете повернуться? Что с вами?» Женщина продолжала рычать. Уже грязная и мокрая сама, Ленка схватилась за ткань пальто, потянула, чувствуя, как ломаются ногти на обеих руках. Бесполезно. Она выпрямилась, оглянулась, увидела вдалеке идущего без зонта молодого парня и закричала. Никогда в жизни она бы не подумала, что может так вопить на всю улицу.

Парень подбежал быстро. Одновременно из-за угла дома появился немолодой мужчина с зонтом. Бросив его рядом с Ленкиным, он стал помогать. Втроём они повернули женщину на бок, но поднять не смогли. Ленка бросилась к сумке, достала телефон и набрала телефон скорой. Разговаривая с диспетчером и диктуя адрес, она с изумлением наблюдала, как женщина вдруг очнулась, сама села и встала, шатаясь. Девушка в трубке сказала, что бригада врачей выехала. Ленка подошла к женщине. Та молча и с изумлением смотрела на свои грязные руки.

– Как тебя зовут? Что с тобой произошло? – спрашивал её мужик, трогал за плечо.

Женщина не реагировала. Взгляд её переключился на пропитанные грязной водой полы пальто, вернулся к рукам.

– Вы помните, как вас зовут? – спросила Лена.

Женщина подняла на неё пустой взгляд.

– Сесть тебе надо, – мужик потянул женщину к скамейке, которую Ленка не замечала уже много лет, проходя мимо.

Она послушно дошла до скамьи и впервые заговорила:

– Я не буду садиться, тут грязно. Где моя шапка?

Ошарашенный всем произошедшим парень добежал до лужи, поднял мокрую норковую форму и протянул хозяйке.

– Зачем вы бросили шапку в грязь? – спросила та зло.

Все трое переглянулись и не нашлись, что ответить.

Ленка подняла с асфальта сумку, вытащила из неё влажные салфетки, раздала всем присутствующим. Женщина стала яростно оттирать грязные руки, она покачивалась, но не замечала этого.

Одновременно прекратился дождь и подъехала скорая. Лена подбежала к молодому и очень приятному на вид врачу. Рассказала вкратце, ожидая от доктора какой-нибудь реакции, немедленного диагноза, ужаса в конце концов. Но тот только кивнул ей, как старой знакомой, сказал: «Всё понятно» – и подошёл к мокрой женщине.

– Как зовут вас? – спросил он.

Она молча смотрела на него. И сказала жалобно:

– Я не помню.

Врач как будто даже обрадовался такому ответу. Очень по-доброму улыбнулся, взял женщину за локоть:

– Давайте мы вместе поедem в больничку.

– Зачем? – женщина недоверчиво наклонила голову, но локоть не высвободила.

– Чтобы вы больше не падали лицом в лужи, – просто сказал врач и повёл пациентку к машине.

Парень понёс следом её шапку. Затем вернулся и молча встал рядом, вопросительно глядя то на Ленку, то на пожилого мужчину.

– Инсульт. Или эпилепсия, – со знанием дела сказал тот. – Ну хорошо, что обошлось.

Ленка посмотрела на всю троицу спасателей со стороны: мокрые, грязные, немного обалдевшие. Они стояли посреди пустой субботней улицы и теперь уже как будто кем-то друг другу приходились.

– Ну я пошёл, – первым решился покинуть место спасательной операции парень.

– Спасибо тебе, – сказала Лена.

– Да ладно, – улыбнулся он. – До свидания.

3

Лена и её второй помощник в спасении женщины подняли свои зонты с асфальта и попрощались. Он пошёл в сторону остановки, она – домой.

Посмотрела на себя в зеркало: лучше бы не видела. Разулась, скинула джинсы, не снимая куртки, надела брюки. Потом так же в куртке зашла в ванную, посушила феном волосы, причесала, как смогла. От укладки не осталось и лёгкого намека. Берет был мокрый насквозь, поэтому пришлось вязать на голову платок, который

не подходил ни к чему и вязался в силу редкого использования неумело. Лена нарасила губы красным, надеясь таким образом отвлечь внимание от всего остального. Посмотрела на часы. Прошёл почти час с того момента, как она вышла из дома со своим чётким планом действий. Закралась мысль не ходить на встречу с Александром, позвонить, перенести. Но почему-то очень хотелось встретиться с обладателем обаятельного голоса. И непременно сегодня. И даже не очень важно, в каком виде.

Он сидел за столиком у окна, как и договорились. Шатен в сером свитере, самый обычный, ничего примечательного. Коротко стрижен, гладко выбрит. Только веяло от него особым спокойствием. Взгляд оценивающий, то ли с иронией, то ли с сарказмом. Лена подошла к столику, поздоровалась, улыбнулась. По дороге сюда она поняла, что её трясет. От пережитого или от грядущего. А позже, сидя в троллейбусе, она рассмотрела свои ногти – обломанные, облупившиеся, чёрные, отвратительно пошлые и кошмарные. Захотелось умереть прямо сейчас лишь из-за этих вот ногтей. И такая, трясущаяся и желающая оказаться сейчас лучше вообще без пальцев, чем с такими ногтями, она и предстала перед Александром. Под его колким взглядом стянула с головы платок, сняла куртку, повесила её на спинку стула. Села. Посмотрела ему прямо в глаза и сказала как можно более спокойно:

– Я вас внимательно слушаю.

Он смотрел на неё молча, пряча улыбку. Сказал:

– Мою жизнь менять не надо. Я уж как-нибудь сам. Я просто, когда объявление в газете увидел, глазам не поверил. Решил посмотреть на этого самонадеянного и всемогущего человека, просто из любопытства. Ну элементарно вот в глаза взглянуть. Что за выскочка и чародей. И вот. Смотрю. Ничего сверхъестественного не вижу. Вы, может быть, экстрасенс? Или приворотами балуетесь?

– Нет, – ответила Ленка, ощущая себя как преступник, страшный поступок которого вот-вот раскроют.

– Ох, ну хоть так, – краем губ улыбнулся собеседник. – То есть вот вы – гарантированно меняете жизнь? И как же? Как вы спасаете этих дурачков, которые к вам обращаются? Выплачиваете их кредиты? Возвращаете мужей? Помогаете похудеть? Спасли уже кого-нибудь?

– Зачем вы так? – спросила она, пытаясь защититься. – Вы же ничего не знаете. Конечно, со стороны это кажется странным, возможно, но...

– Странным?! – он нехорошо и жёстко усмехнулся. – Со стороны это выглядит отвратительно! И я не сомневаюсь, что на этот «развод» повелись люди, которым плохо и которые нуждаются в помощи. На это ведь рассчитывают обычно такие шарлатаны вроде вас? Только не все осмеливаются писать об этом в газетах!

Александр – этот человек, который вдруг и непонятно чем притянул её всего несколькими фразами по телефону – на самом деле поставил ловушку, и она в неё попала. Он издевался и не скрывал этого. И совершенно нечего было ему ответить. Она почувствовала себя на самом дне своей дурацкой, разбитой, несчастной жизни. Чувствовала себя замёрзшей, одинокой, неприкаянной, самонадеянной душой. Пошедшее наперекосяк утро, лежащий в луже человек вывели её из хрупкого равновесия. Что скрывать – она испугалась сегодня, ужасно испугалась. А сейчас оказалась на пороге разоблачения и краха. Очень хотелось зареветь, но ведь придётся закрывать лицо руками, и тогда сидящий напротив человек увидит её страшные ногти. И станет ещё хуже. Мысль о ногтях добила Ленку. Она всё-таки разревелась. И закрыла лицо руками.

Она не видела, что лицо мужчины в эту секунду изменилось: ирония сменилась растерянностью и бесконечным удивлением. Он даже не заметил ногтей с облупившимся чёрным лаком.

4

Она рассказала ему всё с самого начала. С задумки в номер к первому апреля. Рассказала всё, как было, про каждого, кто ей позвонил. Про всех, с кем встречалась. Про их жизни и про то, что не смогла ничего изменить. И в процессе изменения чужих жизней окончательно разрушила свою. Рассказала про свои сомнения, про злость и разочарования. Про смерть Биг-Босса, про потерю работы и про несколько неудачных собеседований. Сказала ему, что он последний её «клиент». И что, конечно, телефон с подставной симкой стоило выключить раньше.

Александр слушал, не перебивая. Лена оттаивала под его взглядом, давно никто не слушал её так... сопереживательно. Она видела, что ему интересно. И что сарказма ни в глазах, ни в изгибе губ больше нет. Этому незнакомому мужчине хотелось всё рассказывать.

Они выпили уже четыре чайника чая. Она успела рассмотреть Александра как следует, хотя в глазах после пролитых слёз было немного мутно, будто только что проснулась. Широкий лоб, квадратный подбородок, прямой нос – всё лицо будто собрано из прямых линий. И взгляд – открытый и такой... простой. От этого прямого взгляда не хотелось отводить глаза. На задворках сознания промелькнула мысль про Романа – вспомнился его цепляющий взгляд. Но впервые за долгое время мысль улетучилась, не сделав больно и не сбив сердечный ритм.

– Так, я всё понял, – сказал Александр. – И что теперь?

– Я даже не знаю, что теперь, – пожалла плечами она. – Сегодня выключу этот телефон и забуду об этом позорном эпизоде моей жизни. Тем более что это никому теперь уже не надо. Буду продолжать искать работу.

– Если не найдёшь? – Александр перешел на «ты», и от этого как-то тепло кольнуло сердце.

– Ну когда-нибудь всё равно найду. План Б есть у меня: я всегда могу вернуться к маме, когда не будет денег платить за съёмную квартиру. Вернее, это план У.

– Почему «у»?

– Потому что это самый ужасный план, – Ленка засмеялась.

Её собеседник тоже рассмеялся приятным, тихим смехом.

Он посмотрел на неё долгим взглядом и сказал:

– Ты аферистка, ты знаешь? Но надо признать – ужасно обаятельная.

Ленка почувствовала, как краска заливает шею и предательски выползает из-под ворота водолазки, подбираясь к щекам. Хотя «аферистка» в общем и целом не было похвальным словом, в его устах оно прозвучало почти как комплимент. Определённо, Александр был очень мил. «Нет, «мил» – неподходящее определение, – решила Ленка, – неприменимое к этому человеку». Подходящего слова она не нашла в этот момент, остановившись просто на «очень».

Он довёз её до дома на своём очень большом и очень старом автомобиле, похожем на тёмно-серого крокодила.

5

Понедельник Елена начала с сайтов вакансий, чтобы в очередной раз убедиться, что работы по специальности нет. Полистала разделы

«Рабочий персонал» и «Начало карьеры», но ничего, на что бы откликнулась душа, не нашла. Ближе к полудню захотелось булочки с молоком, и Лена быстро собралась до магазинчика в соседнем доме, накинув куртку на домашний спортивный костюм. Заодно прихватила с собой пакет с мусором. На улице было солнечно и свежо. После сумрака подъезда она слегка даже ослепла, зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой большую серую машину. И сразу поняла, что перед ней «крокодил».

– Что же вы, девушка, телефон второй день не включаете? – суровый голос прозвучал почти над ухом. На лавочке у подъезда сидел Александр и с укоризной смотрел на Лену. – Второй день караулю.

– Так я ж сказала... последний клиент. Всё. Нет эксперимента – нет телефона, – прямо-таки прояммила Лена.

– Безобразие. Работу работаю через планшет на лавочке по вашей милости, – продолжал как бы ворчать Александр, но в глазах и в голосе уже были ирония и веселье.

– А что случилось-то?! Что за срочность? – спросила она в тон ему. – И где что-нибудь типа «здравствуйте»?

– Работу я тебе нашёл – вот что случилось, – ответил мужчина и скомандовал. – Иди одевайся, на собеседование поедешь. Мусор я сам выкину.

Ленка без лишних вопросов влетела в подъезд и бегом побежала по лестнице. Булка с молоком откладывалась.

Её собеседовал молодой мужчина – худощавый, в клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами, с красивой и густой бородой. Представился Артёмом. Они сидели в небольшом, но очень светлом кабинете с высокими потолками.

– Мы ведём несколько проектов, но сейчас начинаем новый. И нам нужен человек, который писал бы тексты про нашу область. Будем делать подробнейший портал, статьи обо всём – и про самые глухие деревни, и про памятники архитектуры, и про знаменитых уроженцев. Тексты должны быть авторские. А это значит, что встречи, командировки, работа с архивами и людьми. Чтобы информация из первых рук. Работы очень много. Возьмётесь?

Ленка пыталась усидеть на месте и не запрыгать от восторга. О такой работе она даже мечтать не могла. Вот оно – настоящее!!! Люди, архивы, города и веси. Никакой тебе «красивой

жизни» с одними и теми же лицами, никакой яр-марки тщеславия. Настоящие люди!

– Про зарплату даже не спросите? – рассмеялся Артём.

– Ой. Да. Нет, не спрошу, – Ленка тоже рас-смеялась. Про зарплату даже в голову не при-шло поинтересоваться.

Зарплата оказалась приличной. Работа ви-делась интересной и даже где-то идеальной. Приступить надо было через пару дней. Лена по-прощалась с бородатым Артёмом минут через десять, выяснив все подробности, и выскочила в коридор. Её будущий офис располагался в не-большом особняке, где коридор, в отличие от кабинетов, был узкий и тёмный. В этом коридоре возвышалась фигура Александра, лицо подсве-чивалось планшетом: теперь он, по Ленкиной опять же милости, работал работу, стоя в кори-доре крошечного бизнес-центра.

«Какой он красивый», – подумала Ленка.

– Ну что, взяли? – спросил он.

– Взяли! – ответила она, даже не думая скры-вать свой восторг. – Спасибо вам! Это работа, о которой я даже не мечтала! Как вы её нашли?

– Быстро, – сказал Александр и широко улыбнулся, давая понять, что это окончатель-ный ответ.

– Спасибо вам! – ещё раз как-то взвизгнула Ленка со всей искренностью и благодарностью, на которую только была способна.

Мужчина посмотрел на неё внимательно, без улыбки:

– Пожалуйста.

Он снова отвёз её домой. Снова, пряча улыб-ку, наблюдал, как неуклюже она выбирается из его большой квадратной машины. Когда Ленка захлопнула дверь, Александр махнул ей рукой и уехал.

– И даже телефон не спросил, – грустно кон-статировала она сама себе, глядя, как вывора-чивает огромный «крокодил» из её маленького двора. И тот факт, что этот странный, но такой притягательный мужчина, похоже, укатил из её жизни навсегда, заметно омрачил радость от по-лучения работы. Настолько заметно, что Ленка разозлилась на себя

6

В субботу в гости приехала Мила. К этому моменту Ленка уже два дня провела на работе мечты, в офисе мечты, с коллегами мечты. Поэ-тому посиделки начались с краткого, но очень

эмоционального рассказа об этой части жизни. У неё был начальник – Артём и двое коллег. Про-граммист Василий, совсем молоденький, но то-же бородатый и, насколько Ленка понимала модные тренды, чрезвычайно модный. Василий опровергал все стереотипы о программистах, был общительным, иногда даже чересчур, смеш-ливым и вообще – рубахой-парнем. В первый день Ленкиной работы он нашёл ей кружку для чая, молниеносно создал все учётные записи и научил пользоваться кофе-машиной. Вторую коллегу звали Наташей. Чуть полноватая, но от этого лишь чрезвычайно аппетитная брюнетка была менеджером проектов, а также – матерью двоих детей, фотографом и сноубордисткой. Всё это тоже выяснилось буквально в первый день за чашкой кофе, и Ленка настолько обалдела от многогранности личности Наташи, что только по-том сообразила, что о себе рассказать она ниче-го не успела. Да и рассказывать было особенно нечего. Ни детей, ни фотоаппарата, ни сноубор-да. Артём был руководителем проектов крупной веб-студии, которая занимала практически все кабинеты маленького особняка.

Милка радовалась за подругу, как за себя. Спрашивала, восклицала, смеялась и непре-рывно подливала мартини и подрезала на тар-елку сыр «Маасдам».

– И как ты попала в это волшебное место, Ленуся?

– Тааак, – Ленка подняла бокал, и они чокну-лись. – После этого вопроса мы должны перейти ко второму пункту нашей сегодняшней повестки. А именно – к результатам эксперимента «Изме-ню вашу жизнь».

Она взяла блокнот и карандаш, раскрыла на заложенной странице и начала читать и чиркать:

– Итак, отчитываюсь. За все время экспери-мента на конспиративный номер позвонили одиннадцать человек. Из них двое подростков, которые просто телефонные хулиганы. Один че-ловек – мужчина – хотел, чтобы в результате эксперимента были устранены его конкуренты по бизнесу. С ним я встречаться не стала – сразу отказалась. Другой хотел, чтобы я помогла ему стать гражданином США или Канады, в крайнем случае Израиля. По-моему, был пьяный. Тоже не встречалась, признала своё бессилие по теле-фону. Одна женщина хотела, чтобы я как-нибудь помогла в наследственном споре, ещё одна – чтобы «ликвидировала» судимость мужа, она очень мешает устроиться ему на работу. Она

мне все подробно рассказала, я отказалась, она пыталась мне этим же мужем угрожать – в общем, такой запрос был.

Далее переходим к тем клиентам, с которыми я встречалась. – Ленка отпила из бокала. – Итак, юрист Павлик. Хотел изменений в личной жизни, иметь жену, похожую на маму. К ним я ходила на ужин. Мама – звезда, королева! Павлику тут повезло и не повезло. Помочь я ему ничем не смогла, к мимолётным отношениям не склонилась. Ставим минус. Идём дальше. Домохозяйка Мария. Хотела вернуть мужа, просто потому что так надо – жить с мужем. Вернула сама, без моего участия. Марии ставим плюс, мне – минус. Татьяна, топ-менеджер крупной компании. Хотела кардинальных изменений, идеальную семью и перестать ненавидеть свою жизнь. Честно пыталась следовать рекомендациям – но провал по всем пунктам. Ещё один минус в копилку экспериментатора, то есть меня.

Милка усмехнулась. Ленка выпила мартини, пожевала сыр, молча глядя на следующее имя в блокноте. Потом глубоко вздохнула:

– Продолжим. Клиент Роман. Менеджер среднего звена в конторе средней руки, – хохотнула, поскольку эту словесную комбинацию придумала только что. – Пожалуй, единственный человек, которому мы помогли. Мы с тобой. Избавили страдальца от... от меня.

– Звонит? – поинтересовалась подруга.

– Ни разу, – мрачно ответила Ленка и ещё пожевала сыр. – Ставим плюс нам с тобой. А Роману – минус, так, по старой памяти. Ну и, наконец, последний позвонивший – человек без проблем в жизни. Во всяком случае, тех, которые надо решить чужими руками. Позвонил, просто чтобы посмотреть на мою наглую и самоуверенную физиономию. И посмотрел.

– А вот это очень интересно, – оживилась Мила, – я предполагала, что должен появиться такой человек. И он появился! Что он тебе сказал?

Ленка в красках рассказала лучшей подруге приключения прошлой субботы. И про лежащую на асфальте женщину, и про злосчастные ногти, и про встречу с Александром в кафе, и про свои слёзы, и про дальнейший длинный монолог, и про «крокодила». А в итоге живописала его неожиданное появление перед дверью подъезда и новую работу с его, Александра, подачи.

– Каков оригинал! – восхитилась Мила. – Два дня тебя ждал около подъезда?! Это ведь проявление заботы! И что теперь? Звонит?

– Нет, – вздохнула Ленка. – Пропал. Телефон не спросил. А мне ведь он понравился, даже очень.

– Я это как-то сразу поняла. И после твоего рассказа мне он, Ленуся, тоже нравится. Но у тебя же вот – записан его телефон. Позвони сама!

Мартини и почти детективная история воодушевили Милу, она вся порозовела. И даже пиликнувший где-то то ли в сумке, то ли в кармане пальто телефон не заставил её подняться с табуретки.

– Ну уж нет, – возмутилась Ленка и именно в этот момент поняла, что пьяна. – У меня новая жизнь, и я больше не буду навязывать своё общество мужчине. Александр и так уже много для меня сделал.

– Смотри сама, – не стала спорить Мила. – Но мне кажется, что в твоём списке не хватает ещё одного человека.

Ленка быстро пробежала глазами все пункты. Нет, все на месте, голубчики, как на ладони. Вопросительно подняла брови.

– Не хватает в списке тебя, Ленуся! Номером первым или двенадцатым – как уж сама хочешь. Твоя жизнь в результате эксперимента изменилась, и мне кажется, это главный результат, и за это надо что сделать?

– Выпить! – засмеялась Ленка, в очередной раз удивившись своей невероятно мудрой подруге. – Ты ведь знала, что так оно и случится, да, Мил? Ты же говорила...

Мила захмелела и засобиравалась домой. Ленка разлила остатки мартини из бутылки по бокалам и только собралась произнести тост, как позвонил телефон. Взгляд не сразу смог сфокусироваться на экране, но всё-таки Ленка разобрала: «Надя, привет» – и приняла вызов.

– Лена, привет! – отрывисто поздоровалась попечительница приюта «Надежда» и борец за права кошек. – Есть минутка?

– Привет! Говори!

– Слушай, у нас будет день рождения приюта на следующей неделе. Собираем друзей, приходи, буду рада тебя увидеть. В подарок просим корм или денег, ну сама знаешь. И вот ещё дело. Таня, которую ты ко мне прислала, попросила у меня твой телефон, говорит, не может до тебя дозвониться. Странно как-то – я дозвонилась с первого раза.

– Какую Таню я к тебе прислала? – не поняла Ленка.

– Ну как «какую Таню»? Ну эта же – Петрова. Месяц назад она пришла ко мне, может, чуть больше. Говорит, ты её отпустила.

Ленка категорически не могла вспомнить никакую Таню Петрову.

– Надя, может, ты путаешь? Я не знаю Таню Петрову.

– Как это не знаешь? – Надя растерялась. – Высокая такая, упакованная, с длинными волосами, на дорогой тачке ездит.

– Татьяна?! – почти закричала Ленка от удивления.

– Таня – это то же самое, что Татьяна, нет? – рассмеялась Надя. – Она странная и совсем не наш формат. Каждый раз уходит со слезами, но всё равно приходит опять. Переносок накупила, долги у ветеринара оплатила, два домика для кошек ко дню рождения приюта привезла. Приходи, сама всё увидишь. В среду вечером ждём тебя. Так я дам Тане твой телефон?

– Конечно дай!

Ленка вернулась на кухню к подруге, которая сидела в телефоне и, видимо, переписывалась с далёким мужем.

– Знаешь, Милка, а ты, наверное, права! Хоть что-то у меня да получилось! – изрекла она, сама не своя от потрясения. Потом нашла Татьяну в своём блокноте и одним движением карандаша исправила поставленный ей минус на плюс.

– Это тост! – воскликнула Милана.

Глава 8 НОВАЯ ЖИЗНЬ

1

В начале мая Лена сходила на очередную годовщину приюта «Надежда», переглядила всех кошек, подарила упаковку дорогого корма и встретила с Татьяной. Её было почти не узнать – в джинсах и майке, энергичная и общительная, она активно участвовала в проведении праздничного мероприятия и, увидев Ленку, смутилась.

– Здравствуйте, Лена, – сказала она, – я рада вас тут встретить. Хотела позвонить, но так и не решилась.

– Почему?

– Стыдно мне перед вами немного. Я была полностью разочарована в ваших методах, мне показалось, что ни один из них не сработал и что я зря потратила время и открылась незнакомому

человеку. Но как-то так получилось, что я втянулась... В приюте я теперь постоянный волонтер. Ещё вяжу для детей из приюта рядом с домом. В общем, вдруг стала жить насыщенной общественной жизнью, – Татьяна усмехнулась, но без сарказма. Ленке показалось, что она ещё не до конца сумела принять столько изменений в своей жизни.

– Ну а есть перемены на личном фронте?

– На Западном фронте без перемен. Пока. Но сейчас я чувствую, что включаюсь в жизнь в каком-то глобальном плане. Если вы можете меня понять, конечно. Больше не лежу на диване и не ненавижу всех вокруг – это точно.

– Я понимаю вас, Татьяна, как никто, – ответила Лена, и они улыбнулись друг другу, будто внезапно обнаружили, что обе состоят в каком-то тайном обществе.

– И ещё один вопрос меня волнует, Елена, – собеседница заметно нервничала. – Я вам так и не заплатила за работу. И за результат. Я что-то ведь должна вам?

– Ах, перестаньте! – на том и разошлись.

Ещё одна встреча с бывшей клиенткой произошла в кинотеатре, куда Лена забрела в одиночестве вечером после работы. Она обратила внимание на пару, сидящую на диванчике перед дверью в зрительный зал: мужчина с женщиной в обнимку, держась за руки. Лицо женщины показалось знакомым – это Мария! Домохозяйка Маша, которой нужно было любым способом вернуть мужа. Лена узнала её по улыбке дочери, которая странным образом запала в душу и память. У Маши с дочкой оказались совершенно одинаковые улыбки. Время было позднее, да и фильм – детский. Но всё же Лена поискала глазами детей где-нибудь поблизости. Детей не было, ни одного. Значит, младенец всё же был оставлен с мамками и няньками. Значит, что-то тоже сдвинулось в жизни домохозяйки Марии. Сейчас она держала за руку мужа и что-то, улыбаясь, шептала ему на ухо. Без шапки, в стильном свитере и с подкрученными волосами Маша выглядела очень даже симпатично. Она несколько раз взглянула на Лену, но так и не узнала её.

2

В тот день, когда утром Ленка поздравила сама себя с месяцем пребывания на новой работе, Артём сказал:

– Лена, как будет время – зайди к генеральному директору. Он просил. Правда, поинтере-

суйся в приёмной, когда он будет, его трудно поймать.

– Артём, а как зовут-то его, нашего генерального директора?

Руководитель отвёл взгляд от ноутбука, и в ясных глазах его читалось недоумение:

– В каком смысле? Я думал, вы знакомы!

– С чего бы это?!

– Ну как же?! – воскликнул он. – Ведь он же привёл тебя! Мы этот проект только придумали, вакансий ещё даже не размещали нигде, а он позвонил мне, сказал, что у него есть человек проверенный – и привёл тебя. Как ты можешь говорить, что вы не знакомы? Или я чего-то не понимаю?

«Па-бам!» – это в Ленкиной голове сложился пазл. Ей даже показалось, что там, в черепной коробке, что-то щёлкнуло. И от этого щелчка страшно забилось сердце. И чтобы оно не выскочило из груди, Елене пришлось слегка придержать его снаружи. Так, с прижатой к груди рукой она просидела минуту.

– Всё правильно, – наконец произнесла Лена. – Точно. Он же и привёл меня. Ничего не соображаю.

Уже все трое её коллег смотрели на неё настороженно, с участием и любопытством. Глупейшая ситуация в лучшем из Ленкиных стилей сложилась за секунды, и надо было как-то выходить из неё. Она не нашла ничего лучшего, чем сказать:

– Отчество его я забыла, если честно. Как отрезало. Напомните, а?

– Александр Сергеевич, – подала голос из-за своего ноутбука Наташа. – Легко запомнить – как Пушкин. Странно, что ты забыла.

Ленка посмотрела на коллегу – та хитро улыбалась. Интуитивно она понимала, что тут интрига, но было слишком мало исходных данных. Наташе приходилось догадываться. Ответной благодарной улыбкой Ленка дала ей понять, что всё расскажет. Когда-нибудь.

Александр Сергеевич, генеральный директор, основатель и владелец крупнейшей веб-студии города, был на месте. Сидел за столом, который поразил Лену простотой, в практически пустом кабинете. Сквозь светло-синие жалюзи за его спиной пробивался солнечный свет, было очень свежо, и Лена, стоя у порога, поёжилась.

– Мерзлячка? – вместо приветствия сказал Александр Сергеевич. – Заходи. Сейчас закрою окно.

Он встал, и, пока ликвидировал источник сквозняка, Лена не упустила возможности тщательно рассмотреть его фигуру. Фигура была что надо. Плечи широкие – как раз то, от чего Ленкина душа начинала волноваться первым делом. В этот день он был похож на большого начальника – светлая рубашка, брюки, пиджак на спинке кресла. Лицо казалось взрослее и серьезнее. А взгляд всё равно с чертовщинкой. «Он всегда у него такой или только в моём присутствии?» – пронеслась в голове мысль. Она села за приставной столик и вопросительно посмотрела на Александра Сергеевича, мол, «вызывали?» Тот тоже молча смотрел какое-то время, спросил:

– Как тебе работается?

– Мне работается очень хорошо. Правда. Я очень благодарна вам за эту работу.

Хотелось сказать искренне и от души, однако слова от волнения получились глупыми, как будто деревянными. Ленка вообще чувствовала себя Буратиной: ноги не гнулись, руки мешали, ещё и слова были словно вытесанные из полена топором.

– Перестань мне «выкать», – поморщился директор. – Мне это не нравится. Зато мне нравится, что тебе работается хорошо. Я был уверен, что эта работа тебе подойдёт.

– Почему?

– Мне хотелось, чтобы на твоём месте работал какой-то особенный человек. И я в какой-то момент понял, что ты – особенная. А ещё и журналист – вот как повезло, – от его ободряющей улыбки Ленка немного расслабилась и смогла удобно уложить руки на столе.

– А в какой момент вы... Простите. Ой. Прости. Ты в какой момент почувствовал, что я особенная? – каким-то шестым женским чувством Лена ощутила, что сейчас должна задать этот вопрос или другой, но похожий – вопрос об их отношениях – и настроить разговор на главную волну. Спросила – и стала ждать: пойдёт ли он на изменения в течении разговора или останется в своей деловой скорлупе. И мужчина, сидящий напротив, поймал волну.

Словно читая её мысли, он сказал чуть тише, чуть глубже и интимнее, чем полминуты назад:

– Когда ты редела там, в кафе. Если честно, меня это поразило. Я никогда раньше не видел настолько искреннего и настолько отчаявшегося человека. Точнее, такую искреннюю и отчаявшуюся женщину.

От того, КАК он сказал, у Лены затряслись колени. Она сидела, а колени тряслись. Странное чувство. В груди стало горячо. В затылке тоже.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Она сидела, подперев подбородок двумя руками, и смотрела на него, в его карие глаза. Понимала, что смотрит влюблённо, но ничего не могла с собой поделать. Думала ли она о нём весь этот месяц? Каждый день. И представляла случайную встречу, пару мимолётных фраз. Но вот от таком разговоре и мечтать не могла. Такому красивому и уверенному в себе мужчине захотелось её защитить. Могут ли быть слова прекраснее?!

Он тоже молча смотрел на неё, и было видно, что не может не смотреть. Искры привычной иронии пропали из его глаз. Он кашлянул, словно проверял своё горло на способность говорить, и спросил, по-прежнему глядя в упор:

– И что мы решим?

– А мы должны что-то решить? – казалось, даже в моменты самых больших своих бед и разочарований Ленка была менее серьёзна.

– Мне бы хотелось, – сказал он твёрдо, – мне уже давно хочется определённости. Но это я понял только сейчас. А что насчёт тебя?

В эту секунду Ленка увидела перед собой большого, сильного и уверенного мужчину, совершенно открытого перед ней. Без панциря и скорлупы. Он был беспомощен и ждал от неё решения. Ждал, что она его выберет.

– А что насчёт меня? – она пожала плечами и улыбнулась. – Если так стоит вопрос, то я разрешаю защищать себя. Заботиться о себе. И трогать себя руками тоже разрешаю, – и залилась краской до самых корней волос.

Александр молча встал и обошёл стол. Она встала ему навстречу и через несколько секунд почувствовала ровное дыхание на своём виске.

3

Милка улетела к своему Майклу на Туманный Альбион. Сестра Ольга со всем своим вывотком укатила в тёплые страны в отпуск.

Страшно хотелось поделиться с кем-то своим счастьем, но в городе не осталось никого, кто мог бы порадоваться за Ленку, как за себя. А она ходила, казалось, на полметра от земли, и каждый день был как праздник просто потому, что начинался. От избытка чувств даже позвонила маме и сказала с ходу: «Мама, я страшно влюблена! Страшно и счастливо!» И мама ничего не спросила, а сказала: «Я очень рада за тебя. Приезжай на ужин, поболтаем».

Наступило лето с его короткими ночами. И ночей катастрофически не хватало. Утро всегда начиналось до того, как они засыпали. И казалось бы – можно отоспаться в выходные. Но и в выходные было не до сна. На работе Лена пила кофе литрами, но спасал её не кофе, а вирус любви, циркулирующий по её томному и заметно похудевшему организму. Иногда она приходила в кабинет генерального директора, просто чтобы поцеловать его и подразнить.

Как-то под утро они лежали на большой кровати в его квартире, сквозь плотные портьеры пробивался утренний свет, а спать после бурной ночи не хотелось. Ленка лежала голая, закинув ноги на любимого мужчину, и смотрела в потолок.

– А вот интересно, – сказала она, чувствуя на виске его взгляд, – кто из нас всё-таки наиболее удачный плод эксперимента под названием «Измени мою жизнь»? Ты или я? Наверное, всё-таки я. У тебя появилась только я, а у меня – целая новая жизнь. И страшно представить, что бы было, не размести я это дурацкое объявление. Тебя бы не было. Жутко прям.

– Ты, конечно, ненормальная, – ответил ей любимый мужчина и приподнялся на локте. – Но сам по себе эксперимент был интересный, и результаты есть. И даже жаль, что статья не поучилась. Я бы почитал.

Он начал гладить её, она потянулась, как кошка, но блеснувшая в голове мысль заставила подскочить на кровати.

– А знаешь, ты прав! Знаешь что сделаю?

– Что?

– Книжку напишу!

